

ЭВА ГРИНЕРС

**МЭРИ ЛОНГШИР -
ДОЧЬ МАГНАТА**

Эва Гринерс

Мэри Лонгшир - дочь магната

«Автор»

2026

Гринерс Э.

Мэри Лонгшир - дочь магната / Э. Гринерс — «Автор», 2026

ЗАВЕРШЕНО!!! Мэрилин Лонгшир - юная наследница магната, погибшего при крушении «Титаника». Кое-кто примеряет власть. Каждый просчитывает выгоду. Всеми руководит неизвестный кукловод. Но внутри удобной наследницы теперь Аглая Машинистова по прозвищу Дизель, логист с огромным опытом. Женщина, привыкшая превращать хаос в систему. Окружающие ждут от Мэри слез и беспомощности. Управляющий уже готовит документы, чтобы нагреть руки на смерти хозяина, а вдова-невеста примеряет траурный шелк. Но «Дизель» не привыкла сдавать позиции. Пока другие молятся, она берёт всё в свои руки, просчитывая ходы и риски. *попаданка в прошлое* сильная героиня* власть и деньги

© Гринерс Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение в новом теле.	5
Глава 2. Знакомство с семейством и управляющим.	8
Глава 3. Вдова-невеста.	11
Глава 4. Новая информация, всплывает помолвка. Письмо от Сент-Джона.	15
Глава 5.	18
Глава 6.	22
Глава 7.	26
Глава 8.	31
Глава 9.	35
Глава 10	39
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эва Гринерс

Мэри Лонгшир - дочь магната

Глава 1. Пробуждение в новом теле.

Пролог.

Где-то я читала, что после семидесяти лет мозг начинает сдавать позиции, подменяя факты вымыслом. В моем случае он просто решил расширить границы.

Вся моя жизнь была подчинена цифрам, маршрутным картам и железной логике - здесь не было места для фантазий.

Меня звали Аглая Вениаминовна Машинистова, но на работе за глаза называли Дизель-машин. Я знала об этом прозвище и втайне гордилась им. За сорок лет в логистике я выстроила сотни схем поставок, которые работали как часы, и решала задачи, от которых другие специалисты сходили с ума. Мой мозг был настроен на поиск оптимальных решений, на просчет рисков и минимизацию потерь. Никаких лишних эмоций - только результат. А вот пошутить я любила, хотя иногда получалось резковато. Да и характер у меня был тяжеловат. Дизель - он и есть Дизель.

Вероятно, именно поэтому мое подсознание стало брать реванш по ночам. Эти фантастические, или скорее, фэнтезийные сны стали приходить как раз после моего семидесятилетия. Они были пугающе детализированными. С запахами и ощущениями - мокрой холодной мостовой, вкусом дешевого вина или тяжестью свалывшейся овчины на плечах. Иногда в этих снах я оставалась собой, просто сторонним наблюдателем в декорациях другой эпохи. А бывало так, что я проживала чужую жизнь от первого крика до последнего вздоха, и просыпаясь, еще несколько минут не могла вспомнить как меня зовут.

Я привыкла к этому и мне даже нравилось - как кино смотреть, или в нём же сниматься. Я считала, что это просто побочный эффект слишком активного ума, которому тесно в рамках одной реальности. Я ошибалась. Это не была игра воображения. Просто моя душа искала себе место...

Глава 1

- Леди Мэри, проснитесь! Ради всего святого, леди Мэри, беда!

Голос прорезал вязкую темноту, как гудок товарного состава. Я дернулась, пытаюсь отогнать назойливый звук. В моей настоящей жизни не было никаких «леди», была только «Железная Аглая», «Дизель», и для своих - «Витаминкина».

- Уйдите... - велела я остаткам сна убраться, не узнавая собственного голоса. Он был слишком высоким, слишком молодым, совсем не похожим на мой привычный хрипловатый басок.

Чьи-то руки вцепились в мои плечи. Меня трясло с такой силой, что зубы клацнули. Я распахнула глаза и вместо белого потолка своей квартиры увидела тяжелый балдахин из нежно-розового бархата. Прямо передо мной застыло лицо женщины в накрахмаленном чепце, искаженное паникой.

- Слава богу, проснулись! - она судорожно махала каким-то листом бумаги. - Ваш папенька! Этот непотопляемый корабль затонул! Да придите же в себя!

Я резко села в постели, сердце колотилось где-то в горле. Это сон. Очередной чертовски реалистичный сон. Нужно просто сосредоточиться, применить проверенную методику пробуждения - счет до десяти, глубокий вдох... Но вместо привычного запаха кофе я чувствовала аромат воска, сладковато-приторных благовоний.

Я начала хлопать себя по щекам - сначала аккуратно, потом сильнее. Боль пронзила лицо, острая и несомненно настоящая.

- Я хочу проснуться! - закричала я, подскочив на огромной постели - не моей. - Разбудите меня, кто-нибудь! Мне нужно проснуться!

Слезы ужаса потекли по лицу. Я закрыла лицо руками, пытаюсь спрятаться от этой безумной реальности. Если я не проснусь прямо сейчас, я сойду с ума. Это уже не сон - это какой-то психоз, расщепление личности...

- Боже правый, от этой страшной новости и не такая ещё истерика может произойти, - услышала я приглушенный шепот. - Надо послать за доктором Маршаллом. А как младшим сообщить? Мисс Фредерике, мисс Грейс, юному мистеру Фреду... Кто им скажет?

- А леди Шарлотта? - отозвался другой голос. - Ей-то уж доктор точно понадобится, коли наша леди Мэри в таком состоянии.

- Тише, - зашикали на говорившего.

Постепенно голоса стихли, я слышала только удаляющиеся шаги и скрип половиц. Когда дверь закрылась, я медленно убрала руки от лица. Слезы все еще текли, но паника чуть отступила. Нужно понять, что происходит. Проанализировать ситуацию. Найти логическое объяснение.

Я соскользнула с кровати и на дрожащих ногах подошла к высокому зеркалу в резной раме. То, что я увидела, заставило меня охнуть.

На меня смотрела юная девушка лет восемнадцати-двадцати - зареванная, растрепанная, но безусловно красивая. Темно-русые волосы рассыпались по плечам волнистой копной, зеленые глаза с кошачьим разрезом были красными от слез, а лицо с дерзко вздернутым носиком казалось кукольным. Это была не я. Это было чужое, совершенно чужое отражение.

Я попятилась от зеркала и огляделась по сторонам. Комната была огромной - больше моей квартиры. Высокие окна до потолка были задрапированы тяжелыми шторами с золотой бахромой. У стены стоял изящный секретер из полированного ореха. В углу - будуарный столик с зеркалом в серебряной раме, заставленный флаконами духов и шкатулками.

Персидский ковер под ногами был мягким и дорогим. Повсюду - кружева, ленты, фарфоровые статуэтки пастушек и амуров. Комната девочки из очень богатой семьи, наверняка балованной и любимой.

Внезапно за дверью раздался топот и истошные рыдания. Дверь распахнулась, и в комнату влетела женщина лет сорока в бархатном халате цвета бордо, наспех накинутом поверх ночной сорочки. Ее седеющие волосы были в бигуди из тряпочек, а в руке она сжимала смятую газету.

- Мэрилин! Дорогая моя! - она кинулась ко мне и обвила руками, прижимая к груди. - Какое горе! Какое ужасное, непоправимое горе! Мой дорогой Реджинальд!

Женщина рыдала в три ручья, и ее слезы капали мне на плечо. Я стояла, оцепенев, не понимая ни кто она, ни что за Реджинальд.

Рыдания этой тетки на моей груди странным образом заставили меня прийти в себя и успокоиться. Наверное потому, что она раздражала меня своими завываниями. Как говорится: я готов разделить ваше горе, но по пунктам... Я осторожно, но решительно отстранила ее.

- Выдохните. И вот, - я указала на платок, который она судорожно сжимала в пальцах, - сморкаться нужно в него.

Я забрала у неё из рук скомканную газету. Свежий утренний номер - "The Times", кажется. Заголовок был набран огромным шрифтом: ««Титаник» - величайшая трагедия века! Гибель непотопляемого лайнера!»

Я пробежала глазами по тексту, выхватывая знакомые мне детали: «айсберг», «северная Атлантика», «более полутора тысяч жизней». Вот оно что.

Несколько секунд я сидела молча, переваривая информацию. Рядом со мной стояла горничная, пожилая дама, чье лицо было испачкано типографской краской от газеты, как будто она только что вылезла из дымохода. Чуть поодаль, возле двери, застыли еще две служанки. Все они смотрели на меня с одинаковым выражением беспомощности и ожидания. Они ждали распоряжений.

Я откашлялась. Голос оказался чуть выше и моложе, чем мой привычный, дизельный, низкий, прокуренный голос. Но я взяла себя в руки.

- Эм... - я запнулась, не зная, как именно должна называть главу семейства, которому не посчастливилось оказаться на борту. - Он ведь мог выжить. Газета утренняя, списков погибших еще нет, верно?

Горничные переглянулись, они по-моему, ни бельмеса не понимали от растерянности.

- Он наверняка путешествовал первым классом. Это значит, что он мог попасть в шлюпку. - Я лихорадочно вспоминала, что знала о той старой трагедии. Первые классы, женщины и дети в первую очередь... А вот с мужчинами сложнее, но шансы были. - Нужно дождаться новостей.

Я вспомнила, как слуги упоминали каких-то детей. Наверное, младшие сестры и брат. Моё внутреннее чувство ответственности, заложенное годами строгой логистики, тут же включилось.

- И не смейте пугать младших раньше времени. Я сама им сообщу... скажем, после завтрака.

Лица моих собеседниц вытянулись. Шарлотта, кажется, даже перестала всхлипывать и смотрела на меня с нескрываемым изумлением.

- Да-да, завтрака, - раздраженно повторила я, чувствуя, как внутри нарастает привычное ощущение контроля. - Или вы предлагаете сесть на диету, пока не поступят свежие новости? А сейчас, - я обвела взглядом комнату, - оставьте меня одну. Мне нужно собраться с мыслями.

Служанки, почтительно кивнув, попяtilись к двери. Леди Шарлотта бросила на меня взгляд, полный неприкрытого шока и осуждения.

- Какая черствость! - прошептала она, когда выходила из комнаты. - Неслыханно!

Я же смотрела в никуда, обдумывая свои следующие действия, от всей души надеясь, что вот-вот проснусь от звука будильника.

Глава 2. Знакомство с семейством и управляющим.

Горничная - кажется, её звали Бетти, судя по тому, как к ней обратилась другая девушка, - нервно крутилась вокруг меня, как заведенная. Она всхлипывала, размазывая слезы по щекам, и её пальцы дрожали, когда она шнуrowала мой корсет. Для неё мир рухнул: хозяин на дне океана, будущее туманно. Для меня же это была задача с десятком-другим неизвестных.

- Ох, мисс Мэри, - шептала она, натягивая на меня платье из темно-синей буклированной ткани. - Как же так... Ведь лорд Реджинальд... И мисс Каролина... она ведь вчера только заходила, такая счастливая, всё о свадьбе говорила. Как ей теперь в глаза смотреть? Ведь причится вот-вот, как пить дать.

Я замерла, позволяя ей застегивать бесконечный ряд пуговиц на манжетах. Каролина. Новое имя в моем реестре. Очевидно, невеста. Значит, в уравнении появляется потенциальный претендент на влияние в доме.

- Бетти, - я прервала её поток сознания максимально спокойным тоном. - Сейчас не время для прогнозов. Умойся и приведи себя в порядок. Ты напугаешь младших.

Я взглянула в зеркало. Из него на меня смотрела Мэрилин - бледная, с огромными глазами, в которых застыл холодный расчет старого логиста, никак не вяжущийся с юным лицом. Я поправила воротничок. Нужно выходить. Если я сейчас не задам себе алгоритм действий, этот дом захлебнется в слезах и хаосе раньше, чем придут официальные списки погибших.

В столовой пахло жареным хлебом и кофе. Дети - красивые и свеженькие, уже сидели на своих местах. Я постаралась определить, кто есть кто. Фредерика, егоза, увлеченно мазала джем на тост, что-то доказывая брату. Тот весело отбивался, пытаясь незаметно под столом кормить собаку. И только вторая девочка помладше - Грейс сидела неподвижно. Её взгляд был прикован к двери, когда я вошла, мы встретились глазами. Я сразу поняла, что девочка внимательная и вдумчивая.

Мистер Барнс, дворецкий, стоял у окна. Его спина была прямой, как доска. Очень напряженная доска. Он единственный в этой комнате, кроме меня, понимал масштаб катастрофы.

Я села на пустое место слева от главного. Там было место их отца. Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, но голос не дрогнул.

- Доброе утро, - произнесла я, принимая из рук Барнса чашку кофе. - Фред, не сутулься. Фредерика, отложи нож, ты слишком громко стучишь по тарелке.

Ишь, как я лихо начала. И точно всех отгадала.

- Мэри, а где тетя Шарлотта? - Фред поднял на меня чистые, ничего не подозревающие глаза.

Грейс тревожно взглянула на меня. Мне казалось, она всё чувствовала - этот тяжелый запах тревоги, который не скрыть за ароматом завтрака. Я сделала глоток. Горький.

- Тётя Шарлотта приболела и завтракает у себя, - ответила я, глядя прямо на мальчика. - Грейс, съешь хотя бы яйцо.

Мы ели в странной, вязкой тишине, нарушаемой только болтовней Фредерики о том, какое платье она хочет к лету. Я смотрела на них и чувствовала, что я должна о них позаботиться. Что мной руководило в данный момент? Чуткость? Да, я старалась. Это выражалось в том, чтобы дать им еще пятнадцать минут спокойного детства, пока правда не выбила почву у них из-под ног.

Когда с едой было покончено, я кивнула Барнсу.

- Барнс, где мы можем поговорить спокойно? Нам нужно обсудить кое-какие новости из утренних газет.

Барнс шагнул вперед, его голос прозвучал приглушенно:

- Мисс Мэри, леди Шарлотта просила передать, что она спустится через минуту...

- Нет, - я отрезала это коротким жестом. - Леди Шарлотта останется в своих покоях. Ей нужно прийти в себя. Я сама поговорю с братом и сестрами.

В библиотеке было солнечно. Пылинки танцевали в лучах, падающих на корешки старых книг. Дети уселись на диван. Грейс сразу вцепилась в руку Фреда.

- Слушайте меня внимательно, - я присела на край, чтобы быть с ними на одном уровне, а не висеть над ними. - Ночью в океане произошла... авария. Корабль, на котором плыл отец, столкнулся с льдиной.

Фредерика вскрикнула пронзительно и замерла с открытым ртом. Фред нахмурился, пытаюсь осознать масштаб.

- Он утонул? - голос Грейс был едва слышен.

- Корабль - да. Но газета пишет, что многие спаслись. Списков погибших еще нет, информация обрывочна. Это значит, что пока мы не получили официального подтверждения, мы не имеем права впадать в панику. Ваш... то есть наш папа - сильный человек, он путешествовал первым классом, у него было больше шансов попасть в шлюпки. Мы будем ждать новостей.

- Но если он... - Фред всхлипнул, его лицо начало кривиться.

Я быстро подошла и положила руку ему на плечо.

- Фред, пока мы не знаем точно, мы верим в лучшее. Но мы должны быть готовы ко всему. Сейчас я прошу вас об одном: не слушайте слуг и не плачьте при тете Шарлотте. Заодно не слушайте её причитаний. Хорошо?

Они закивали, испуганные, но собранные моим ледяным спокойствием. В этот момент в дверь постучали. Барнс вошел с подносом, на котором лежала карточка.

- Мисс Мэрилин, прибыл мистер Сент-Джон, управляющий делами поместья. Он настаивает на немедленной встрече. Говорит, есть вопросы, не терпящие отлагательств.

Я посмотрела на карточку управляющего. Сент-Джон. Ну что ж, посмотрим, из какого теста сделаны местные «эффективные менеджеры».

- Зовите его сюда, Барнс, - я устало махнула рукой. - Раз уж день начался с катастрофы... давайте следующую. Дети, идите. Не думайте о плохом и не раскисайте.

Я встала, выпрямила спину и приготовилась к встрече с новой переменной в этом безумном уравнении. Интересно, если я сейчас проснусь - что будет тут дальше?

Если Барнс был воплощением британской невозмутимости, то управляющий представлял собой наглядное пособие по дезорганизации. Полноватый, с красным лицом и пачкой газет под мышкой, он так тяжело дышал, будто сам плыл с новостями от «Титаника» вплавь. От него пахло типографской краской, табаком и дешевой паникой - коктейль, который я всегда презирала в своих подчиненных. Как мог Лонгшир нанять такого управлять делами?

- Мисс Мэрилин! - он едва не выронил газеты, пытаясь изобразить одновременно и поклон, и жест глубочайшего сочувствия. - Какое горе! Какое невообразимое, чудовищное несчастье! Весь город только об этом и говорит... О, бедный лорд Лонгшир!

Он замер, ожидая от меня всхлипов, или возможно даже обморока. Я же смотрела на него как на внезапно возникшее препятствие на четко выверенном маршруте. Мой мозг автоматически начал сканировать его: Сент-Джон пришел зафиксировать убытки и прощупать почву на предмет того, кто теперь будет подписывать счета. Всё остальное было пухом, который он на себя накидывал.

- Успокойтесь, Сент-Джон, - произнесла я спокойно. - Вы создаете слишком много шума.

Сент-Джон кинул веером газеты на массивный дубовый стол. Заголовки кричали: «Величайшая катастрофа!», «Титаник пошел ко дну!».

- Мисс Мэрилин, я счел своим долгом немедленно прибыть, - он вытирал пот со лба скомканным платком. - Мы должны обсудить... ну, вы понимаете. Юридические формальности, полномочия по управлению поместьем, счета поставщиков. Пока не назначено официаль-

ное опекунов над младшими, нам нужно решить вопрос с текущими платежами. Я подготовил реестр...

Я перебила его, не дав закончить фразу. В логистике есть золотое правило: не менять маршрут, пока не получено подтверждение о блокировке текущего пути.

- Вы чересчур торопитесь, Сент-Джон.

Он замер с открытым ртом, рука его зависла над пачкой документов.

- Простите, мисс?

- Я говорю, что вы хороните лорда раньше времени. Газеты пишут о столкновении, о затоплении, но у нас нет списков погибших. Пока я не увижу его фамилию в этом списке, я не намерена обсуждать «управление поместьем» и «полномочия».

Управляющий моргнул. Его маленькие глазки забегали по моему лицу, пытаясь найти там признаки истерики, но наткнулись лишь на гранитную уверенность.

- Но... мисс Мэрилин, - пролепетал он, - я лишь хотел сказать, что вы можете полностью на меня положиться. В эти тяжелые минуты... я ваш верный слуга. Я хотел облегчить вашу ношу...

- Нисколько в этом не сомневаюсь, - я слегка склонила голову набок. - Ваша верность заслуживает похвалы. Однако сейчас ваша главная задача - сохранять невозмутимость. Никаких изменений, никаких «чрезвычайных мер». Работайте так, будто лорд Реджинальд просто задержался на лишнюю неделю.

Сент-Джон явно не ожидал такого отпора от сопливой девчонки, которая еще вчера, вероятно, интересовалась только цветом лент на шляпке. Он забормотал извинения.

- Да, конечно... как скажете, мисс. Я... я буду в конторе. Если что-то прояснится...

- Благодарю, мистер Сент-Джон. Барнс вас проводит.

Когда дверь за ним закрылась, я тяжело опустилась в большое кресло. Внутри меня, где-то глубоко под корсетом, который неприятно впивался в рёбра, проснулось странное чувство. Это был азарт. Несмотря на весь ужас и трагизм ситуации и неизвестность, мне... нравилось. Это был вызов. Если это сон, то он был по мне.

Я закрыла глаза. Нужно было хоть немного побыть в тишине, переварить пласт информации о семье, о которой я знала ничтожно мало.

- Барнс! - произнесла я, когда дворецкий вернулся. - Я поднимусь к себе. Мне нужно... помолиться за спасение отца. Позаботьтесь, чтобы меня не беспокоили хотя бы час.

Это был идеальный предлог. Я уже видела себя в тишине своей комнаты, где смогу спокойно составить в уме схему дальнейших действий, но у кого-то наверху были свои планы.

В дверях кабинета снова возник Барнс. Лицо его выражало ту степень обреченности, которая обычно предшествует объявлению о конце света.

- Мисс Мэрилин... Прошу прощения, но прибыла мисс Каролина. Она в крайне... расстроенных чувствах.

Я мысленно чертыхнулась. Невеста. Тот самый «неучтенный фактор», который сейчас ворвется с воплями и претензиями на сочувствие. Впрочем, я, наверное, просто злая и старая, а женщина только что узнала о возможной гибели жениха. Добрее нужно быть, Витаминна.

- Сгорел сарай, гори и хата, - пробормотала я, поднимаясь с кресла.

- Простите, мисс? - Барнс непонимающе наклонил голову.

- Я говорю - веди её сюда, Барнс. И приготовь как её... нюхательную соль, правильно? Чувствую, она нам понадобится.

Глава 3. Вдова-невеста.

Двери библиотеки распахнулись. В проеме стояла она - Каролина. Миниатюрная, хрупкая, воплощение невинности, сошедшее с открыток того времени. Она замерла на секунду с драматическим пафосом, прижимая руку к груди, а затем буквально полетела ко мне с протянутыми руками.

- Голубка моя! Настал тот час, когда мы можем забыть наши обиды и разногласия, на всех нас свалилось такое горе! Дай же я обниму тебя!

Я не шелохнулась. В голове щелкнуло: «Голубка»? Мы что, в дешевом любовном романе? Мой взгляд сканировал её лицо. Кожа - фарфоровая, ни единого изъяна, губки бантиком, а глаза... огромные, влажные, испуганные, как у Бэмби, попавшего в свет фар. Идеальная приманка для мужчины «глубоко средних лет», который подсознательно ищет податливости, покорности и ощущения собственного всевластия. Реджинальд явно хотел видеть рядом не личность, а податливый пластилин.

Я вежливо, но твердо отстранилась, не давая ей сомкнуть объятия. Однако, и отталкивать её не следовало. Чтобы понять, как играть дальше, мне нужно было выяснить, из-за чего мы «ссорились» и в чем именно заключались наши «разногласия».

Пока что я молчала. Держала паузу - практически мхатовскую, от которой у неопытных собеседников начинает дергаться глаз. Вспомнилась Джулия Ламберт с её знаменитым: «Чем больше артист - тем больше у него пауза». Я просто смотрела на неё, позволяя тишине в библиотеке стать весомой, почти осязаемой.

И Каролина не выдержала. Она всхлипнула и опустилась на край дивана, картинно прижав к глазам кружевной платочек. Слишком много кружев, слишком много жеманства. Я продолжала её изучать.

Одета она была дорого. Очень дорого. Черный бархат, тончайшие кружевные перчатки, накидка из чернобурки. Но было что-то... не то. Она носила эти вещи так, словно боялась их испачкать или измять. В ней не было той ленивой уверенности потомственной аристократки, которая может пролить вино на платье ценой в годовой бюджет поместья и даже не заметить этого. Каролина не жила в этой роскоши, не родилась в ней, она её отчаянно «демонстрировала». Как манекен в витрине.

- О, Мэри, - пролепетала она сквозь платок, - я так часто вспоминаю те времена, когда мы так дружили. Помнишь? Ты была так добра ко мне. Когда ты узнала, что я всего лишь бывшая машинистка, ты искренне восхищалась мной. Ты говорила, что завидуешь моей свободе - тому, что я могу работать, общаться с кем хочу, быть хозяйкой своей судьбы...

Я чуть не хрюкнула от смеха, пришлось закашляться. Значит, Мэрилин была романтичной дурочкой. Завидовать свободе машинистки в 1912 году? Это всё равно что завидовать свободе каторжника, потому что у него есть свежий воздух на каменоломнях. Но это дало мне зацепку: мы были «подругами». Или она так думала.

- А потом ты вдруг ополчилась на бедную Каролину, - продолжала она, поднимая на меня свои «озера слез». - Стоило только Реджинальду сделать мне предложение. Но разве я виновата, что сердце не выбирает? Я ведь так мечтала, что мы станем большой любящей семьей...

Вот оно. Социальный лифт в действии. Из конторы по прокату персонала - напрямиком в постель лорда, а оттуда - к кольцу на пальце. Видимо, Мэри прозрела к тому времени.

Я смотрела на белые, ухоженные руки Каролины. Но мой мозг подсовывал мне другой образ: эти пальцы, привычно бьющие по клавишам «Ундервуда». В ней всё еще жила эта офис-

ная выучка - готовность угодить начальству, привычка подстраиваться под настроение сильного. Каролина была хищницей, мимикрировавшей под жертву.

Для Реджинальда Лонгшира, человека его круга, такой брак был бы публичным характером. В Англии начала века за такое вычеркивали из списков клубов. А он был деловым человеком. Значит, любовь тут ни при чем. Была причина. Веская, твердая, как слиток золота или папка с компроматом. Она что-то знала. Или у неё было что-то, что ему было жизненно необходимо.

- Каролина, - наконец произнесла я, мой голос прозвучал ровно, но нарочито мягко. - Это страшное событие изменило многое. Сейчас не время для старых драм. Теперь имеют значение лишь новости... Мы надеемся, что вот-вот придёт телеграмма от отца.

Я позвонила в колокольчик. Бэрнс появился мгновенно, словно материализовался из воздуха.

- Чай, Бэрнс. И, будьте добры, те пирожные, которые подавали за завтраком.

Утром мне было не до еды - я была сосредоточена на детях, но это не отменяло моей слабости к корзиночкам со взбитыми сливками.

Мы пили чай. Каролина старалась изо всех сил. Она щебетала о том, как она соскучилась, как ей не хватало наших «секретов». Она пыталась нащупать во мне ту прежнюю Мэри - восторженную и, видимо, не слишком умную. Я отвечала дежурными фразами: «Да, это при-скорбно», «Время покажет», «Нам всем нужно прийти в себя».

Я видела, как она злится под маской сочувствия. Моя холодность не вписывалась в её сценарий. Она ожидала либо истерики, либо объятий. Моя рациональность была непонятна ей и потому заставляла нервничать. Я же безмятежно ела уже третье пирожное. Свежайшие сливки, ягоды с лёгкой кислинкой - восхитительно.

Наконец, Каролина поднялась.

- Мне пора, дорогая. Но я буду приезжать каждый день. Мы должны поддерживать друг друга в это тёмное время.

Я проводила её взглядом. Выйдя в коридор в сопровождении Бэрнса, она внезапно «включила» громкий звук. Я слышала её всхлипы, театральные причитания о «бедном Реджинальде», которые эхом эффектно разносились в тишине. Работа на публику. Каролина метила в хозяйки этого дома и теперь начала метить территорию своими слезами.

Бэрнс вернулся через пару минут. Его лицо было непроницаемым, но в глазах читалась едва заметная усталость.

- Мисс Каролина отбыла, мисс Мэрилин.

- Спасибо, Бэрнс. На сегодня хватит. Хорошенького понемножку. Больше я никого не принимаю. Для любых визитов дом закрыт до особого распоряжения. Сошлитесь на мое плохое самочувствие или траур. Мне всё равно.

Когда за дворецким закрылась дверь, я подошла к окну. Карета Каролины удалялась по подъездной аллее.

«Машинистка, значит», - повторила я про себя. - «Инструмент для фиксации чужих мыслей и тайн».

Как мне было известно, машинистки и секретари знали о делах фирмы порой больше, чем младшие партнеры.

Они видят черновики, слышат шепот в кабинетах. Каролина не просто так очаровала вдовца Лонгшира. Она продала ему не свою молодость, а свою лояльность. Это подсказывала мне моя интуиция и опыт, наработанный годами.

Передо мной не стояла задача разоблачать Каролину, мне это было не нужно. Пока что. Однако, если бы это вдруг понадобилось - было за что зацепиться.

Я поколебалась. Если лорду Лонгширу действительно не повезло, и он оказался в числе тех, кто покоился теперь на дне Атлантического океана, мне стоило бы хоть немного подготовиться к тому, что предстоит отстаивать интересы Фредерики, Грейс и Фреда. Нужно было изучить состояние дел Реджинальда Лонгшира.

В любом случае заняться мне здесь больше было нечем - не наряды же примерять, в самом деле. И я направилась искать рабочий кабинет.

Я делала вид, что просто в задумчивости брожу по дому. Такое поведение для дочери, которая ждёт известий о том, жив её отец или нет - это было естественно.

В конце концов, кабинет я нашла. Он находился совсем недалеко от библиотеки, просто сначала я пошла в противоположную сторону. Дверь была приоткрыта, и я, узрев в проёме большой письменный стол, вошла внутрь

не раздумывая.

В кабинете я наткнулась на горничную, которая взвизгнула от страха, не разобравшись.

- Господи помилуй! Леди Мэри! Я прибирала здесь, как обычно, ох... Простите, я думала... Ох... Я подумала, что это дух вашего папеньки явился! - она тряслась от страха и крестилась.

Похоже, бедного лорда уже похоронили все, причем дружно и не сговариваясь.

- Понятно, - сухо ответила я, - сейчас иди, потом закончишь.

Девчонка мелко закивала, поклонилась и выскочила за дверь.

А я огляделась. Скромность явно не входила в список добродетелей моего «отца». Напротив, он, судя по всему, приложил все усилия, чтобы каждый квадратный дюйм этого пространства вопил о его статусе. Стены были затянуты тисненой кордовской кожей с золотым орнаментом, который поблескивал в полумраке, словно чешуя гигантского змея.

Массивные стеллажи из темного дуба уходили под самый потолок, забитые книгами в одинаковых сафьяновых переплетах. Готова поспорить, он не открыл ни одной из них - они стояли здесь исключительно в качестве декорации, чтобы придать веса его образу просвещенного магната.

Я подошла к письменному столу. Это был не просто предмет мебели, а целый остров из красного дерева, инкрустированный малахитом и слоновой костью по краям. На столе - тяжелый прибор из литой бронзы, изображающий битву титанов. Перо лежало так идеально ровно, словно его выравняли по линейке.

Да уж, любил лорд пустить пыль в глаза. И от скромности бы не помер. В каждом штрихе, в каждом изгибе лепнины на потолке читалось: «Смотрите, сколько я стою». Пафос, возведенный в абсолют. Но именно этот кричащий недостаток и создавал в моей голове логический диссонанс.

Я провела пальцем по холодной поверхности малахита. Если ты такой фанат статуса, Реджинальд, если ты так тщательно выстраивал этот храм самому себе, то почему в твоём окружении оказались такие... сомнительные персонажи?

Управляющий Сент-Джон - человек с повадками стервятника и глазами, в которых плещется жажда наживы, а одеколон плохой, костюм сидит, как подстреленный. И Каролина. Девушка «из проката». Простая машинистка, которая носит платье от кутюр с грацией горничной, примеряющей хозяйское белье, пока никого нет дома.

Человек, который так фанатично заботился о внешней стороне своей жизни, мог, конечно, просто влюбиться в серую мышку из конторы. Но сделать её леди Лонгшир, рискуя стать посмешищем во всех клубах Лондона? Да плюньте в меня, если это было так.

Должно быть, он находился под каким-то давлением, и Каролина - гораздо более опасный игрок, чем пытается казаться со своими слезами и платочками... И этот Сент-Джон определенно в доле. В этой парочке я видела паразитов, облепивших этот золоченый олимп. Пока что у меня было слишком мало информации, чтобы делать выводы. Я могла лишь предполагать.

Все это было очень странно... и чертовски интересно.

Глава 4. Новая информация, всплывает помолвка. Письмо от Сент-Джона.

Дверь тихо скрипнула. Грейс вошла в кабинет, поправляя очки. Она не выглядела испуганной или расстроенной, скорее - задумчивой. Девочка остановилась у края стола, не решаясь сесть в гостевое кресло, и просто смотрела на меня.

- Она уехала? - уточнила Грейс.

- Да. Каролина отправилась обдумывать свои дальнейшие шаги, - я повертела в пальцах тяжелую серебряную ручку. - А ты что думаешь о причине её визита, кроме очевидной?

- Она боится, - Грейс наконец села, аккуратно расправив юбку. - Если... папа не вернётся, то не быть ей леди Лонгшир.

Я кивнула, делая пометки на чистом листе бумаги.

- Ты думаешь, она знала о его делах больше, чем он думал? - я говорила с девочкой, как со взрослой. Впрочем, она и была такой, не смотря на юный возраст. Удивительно вдумчивый ребёнок.

- Думаю, да. Ты же сама в какой-то момент это поняла и перестала ей доверять. Зря папа не стал тебя слушать, сказал, что ты просто ревнуешь и тебе следует более уважительно относиться к будущей мачехе. А теперь вы и не помиритесь никогда.

Грейс посмотрела на портрет отца над камином и вздохнула, как всхлипнула. Но не заплакала, ссутулилась стала протирать очки крошечным платочком.

- Ещё не всё потеряно, Грейс, - мне было жаль девочку, которая переживала горе по своему. Без слёз и истерик, со сдержанностью настоящей маленькой леди.

Она взглянула на меня, грустно улыбнувшись.

- Папа ведь не мог просто жить. Ему нужно было, чтобы каждое его действие выглядело как подвиг. Даже эта женитьба. Помнишь, как он преподносил это на приёмах? «Я спасаю душу прекрасной девушки, она достойна имени Лонгшир». Ему льстило это ампула спасителя. И Каролина это понимала. Она подыгрывала ему, смотрела на него снизу вверх, и это было именно то, что ему требовалось.

Я, конечно, думала о других мотивах и причинах этого странного союза, однако, к мнению Грейс стоило прислушаться.

- Ты хочешь сказать, что если не хватало лодок...

- Мэри, ты же сама понимаешь. Папа никогда бы не сел в лодку, пока на палубе оставался хоть один зритель. Он бы стоял до последнего, поправляя галстук и раздавая ценные указания, чтобы все видели, как благородно умирает лорд Лонгшир. Для него это был бы финальный, самый грандиозный жест. Смерть в лодке среди плачущих женщин - это слишком мелко для него. Ему нужен был масштаб.

Я была потрясена. Если бы я выбирала партнёра по бизнесу или авантюре - я бы не задумываясь выбрала бы Грейс. Логика девочки была безупречной. Всё верно - самоотверженность лорда была оборотной стороной его хвастовства. Если ты хочешь быть великим человеком, ты должен совершить великий поступок, даже если он станет последним. Однако, из этого следовало ещё кое-что...

- Значит, он был доверчив, - подытожила я, записывая: «Слабость к лести. Жажда признания».

Я машинально начала чертить схему на бумаге. В центре - Реджинальд. От него стрелки к Каролине, к Сент-Джону.

Грейс подошла ближе и посмотрела на мою схему с вопросами и стрелочками.

- В чём именно ты хочешь разобраться? - тихо спросила она. - У нас проблемы? Я имею в виду...

- Я поняла, малышка. Пока ещё не знаю, но думаю, к ним лучше быть готовыми.

Грейс молчала, глядя на список вопросов. А потом вдруг спросила, не поднимая головы:

- Мэри... если папа... если папы действительно больше нет. Что с нами будет, когда ты выйдешь замуж?

Я удивилась. С чего такой вопрос, казалось бы. С отцом неизвестно что, а Грейс о какой-то моей гипотетической свадьбе.

- Какой там замуж, мне ещё долго будет не до этого, - осторожно ответила я.

Девочка вздохнула.

- Конечно, может быть тебя и не сразу поведут под венец, свадьбу перенесут. Но ведь договор уже подписан. Как бы ты не тянула, думаю, меньше, чем через год тебе придётся выйти за него и уехать с этим американцем. Ты будешь так далеко... Вот я и спрашиваю: что с нами будет? Со мной, Фредерикой и Фредом.

Я судорожно сглотнула. Чего-чего, черт побери? Я ещё и помолвлена, плюсом ко всем бедам? Нужно было срочно найти информацию, договор, условия. Всё.

- Не бойся, котик мой, - сказала я уверенно и мягко. - Я не собираюсь замуж. Ни за американца, ни за кого-либо другого. Мы останемся вместе, и я найду способ со всем этим разобраться.

Грейс резко подняла на меня глаза. За стеклами очков глаза её расширились в неподдельном изумлении.

- Как это - не собираешься? - переспросила она, и в её голосе впервые за весь разговор прорезались недоумённо-наивные детские нотки. - Но Мэри... Папа дал слово. Все знают, что ты невеста. Как можно просто... не выйти замуж? Это ведь невозможно!

В этот момент в дверь коротко постучали. Вошёл Бэрнс. В руках он держал серебряный поднос, на котором лежал конверт с тяжелой сургучной печатью.

- Письмо от мистера Сент-Джона, мисс Мэри. Он завёз его лично и сразу уехал, передал на словах, что настаивает на встрече завтра утром. В десять часов. Сказал, что дело не терпит отлагательств.

- Настаивает? - я усмехнулась. - Я приму его тогда, когда посчитаю нужным.

Впрочем, поговорить с ним как раз стоило, тут я погорячилась.

Грейс тихонько выскользнула из комнаты, почуяв смену атмосферы. Мы остались с Бэрнсом вдвоем. Старик стоял неподвижно, но я видела, как напряжены его плечи.

- Бэрнс, - я подошла ближе. - Давай без экивоков. Есть что-то, о чем мне стоит знать прямо сейчас? Мне нужно быть готовой к разговору.

Бэрнс молчал, глядя куда-то поверх моего плеча. Затем он решил.

- Есть одна бумага, мисс Мэри. «Предварительный акт о правопреемстве». Лорд подписал его за три дня до отплытия. Он вызвал меня в кабинет в качестве свидетеля. Кроме него, здесь был только мистер Сент-Джон.

- О чем там речь? - я внутренне подобралась.

- Это временный документ, - быстро заговорил Бэрнс. - Сент-Джон настаивал, что путешествие через океан рискованно и нужно принять хотя бы дежурные меры. Он настаивал, чтобы право подписи было передано ему самому или мисс Каролине. Однако, лорд воспротивился и вписал в документ ваше имя. Согласно этому акту, в случае его внезапной кончины или неспособности исполнять обязанности, до момента вступления в брак - вашего или его собственного с мисс Вэйн - вы, мисс Мэрилин Лонгшир, признаетесь единоличной распорядительницей всего имущества и дел дома Лонгширов с правом решающего голоса.

Я замерла. Это меняло всё.

- Что ещё, Бэрнс?

- Как только вы выходите замуж, распоряжение аннулируется, и управление переходит к вашему супругу. Или, если бы лорд успел жениться на мисс Вэйн, оно бы тоже потеряло силу. Он не собирался прощаться с жизнью на этом корабле, как вы понимаете... Сент-Джон думает, что вы не знаете о существовании этого документа. Он хочет заставить вас подписать согласие на брак с тем американцем как можно скорее, чтобы передать ему права управления... и, полагаю, оставить за собой место при кормушке. Уж не знаю, насколько он приложил руку к вашему брачному договору, но я очень подозреваю, что без него не обошлось.

- А что указано в основном завещании? - спросила я, помолчав немного.

- Этого я не знаю, леди Мэри, простите, - он поклонился.

- Значит, пока я не замужем, я здесь законная власть? - я медленно перевела взгляд на список вопросов на столе.

- Да, леди Мэри. Но Сент-Джон сделает всё, чтобы вы дошли до алтаря быстрее, чем успеете это осознать.

- Ну что ж, - я почувствовала, как внутри закипает холодная, азартная злость «Дизеля».

- Пусть попробует. Завтра в десять, говоришь? Сейчас я напишу ответ мистеру Сент-Джону, что я жду его завтра. И - спасибо, Бэрнс. Большое тебе спасибо.

Глава 5.

Ужин в доме Лонгширов напоминал преждевременные поминки без присутствия виновника торжества. Плакальщица была всего одна - тётя Шарлотта. Она наконец соизволила спуститься в столовую, осознав горькую истину: если никто не идет к горю в спальню с нюхательной солью, то гора должна сама прийти к жаркому из нежнейшей телятины.

Она восседала по правую руку от меня, облаченная в чёрный креп, который шуршал при каждом движении, словно сухие осенние листья. Её лицо выражало скорбь вселенского масштаба, но это не мешало ей с аппетитом уничтожать телятину под белым соусом.

- Бедный, бедный Реджинальд, - вздохнула она, промокая уголок рта кружевной салфеткой. - Он так любил этот соус. Помню, как в девяносто пятом, на приеме у герцога, он сказал...

- Тётя, передайте соль, пожалуйста, - вежливо, но твёрдо перебила её Грейс.

Девочка сидела напротив, прямая, как жердь, и сосредоточенно пилила ножом мясо. Её очки блестели в свете ламп. Фредерика и Фред вели себя тихо, не возились, как за завтраком. Оно и понятно. Гнетущая атмосфера дома, где траур ещё не был объявлен, но уже был неизбежен, давила на них.

- Мэрилин, дорогая, ты так бледна, - Шарлотта переключила внимание на меня. - Не думай о делах. Это вредно для женского цвета лица. Мы можем только лишь предаваться скорби. Оставь всё мистеру Сент-Джону. Он такой... деятельный мужчина.

Я чуть не поперхнулась водой. «Деятельный». Ага. Настолько деятельный, что за ним, похоже, глаз да глаз нужен. Чтобы не перетрудили нас всем «на благо».

- Мистер Сент-Джон всего лишь управляющий, тётя, - ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - А я теперь отвечаю за этот дом. И за цвет моего лица не беспокойтесь, он вполне соответствует обстоятельствам.

В этот момент двери распахнулись, и вошёл лакей, кивнув Бэрнсу. На серебряном подносе, который он держал, лежала стопка вечерних газет и несколько писем. Вид у дворецкого был непроницаемый, но я, привыкшая «читать» людей, заметила, как Бэрнс напрягся. Он принял поднос у лакея.

- Почта, мисс, - произнёс он, останавливаясь рядом со мной.

Верхняя газета лежала заголовком ко мне. Жирный чёрный шрифт кричал: «СПИСКИ ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ РАСТУТ. НАДЕЖДЫ ТАЮТ».

Шарлотта вытянула шею, пытаясь разглядеть заголовки.

- Что там, Бэрнс? Есть новости о Реджинальде?

Я накрыла газету ладонью, резко, словно прихлопнула ядовитое насекомое.

- Бэрнс, отнесите почту в кабинет, - приказала я, глядя ему прямо в глаза. - Я разберу её позже. Не сейчас.

- Слушаюсь, мисс, - он поклонился с едва заметным облегчением и удалился, унося с собой вестников беды.

Тётя поджала губы, явно обиженная тем, что её лишили порции свежей драмы, но промолчала. Ужин завершился в тишине под редкий звон приборов.

В спальне я взяла в руки газеты, не питая иллюзий: с момента крушения прошло слишком мало времени для внятной аналитики. Как и ожидалось, на полосах царил информационный хаос. Заголовки «Титаник затонул» соседствовали с нелепыми утверждениями, что судно на буксире везут в Галифакс. Упоминалось, что лайнер «Карпатия» принял сигнал бедствия и пришёл на помощь. Но пока что никаких списков, никаких цифр, только подтверждение того, что катастрофа масштабна, а связи с выжившими нет.

Ну а письма все были с выражением явно преждевременных соболезнований. Их я отложила в сторону, на потом.

Спать я легла далеко за полночь. Усталость навалилась тяжёлым грузом. Я заснула мгновенно, едва коснувшись щекой прохладной наволочки.

Сон был... необычным. Я стояла в саду. Пахло жасмином и чем-то сладким, вроде перезревших яблок. Солнце светило сквозь листву, рисуя на земле кружевные тени. Передо мной стоял мужчина.

Я не могла рассмотреть его лицо целиком - солнце било в глаза, создавая ореол вокруг его головы. Видела только тёмные волосы, слегка растрёпанные ветром, и улыбку. Таковую, от которой внутри всё сжималось и становилось горячо.

Он был одет просто - белая рубашка с закатанными рукавами, жилет. Не парадный костюм джентльмена, а что-то домашнее, уютное.

- Мэри, - позвал он. Голос был низким, бархатистым, и затрагивал какие-то потаённые струнки у меня в груди.

Это была не я. То есть, я знала, что смотрю на мир своими глазами, но чувства... Чувства были чужими. Это была чистая, незамутнённая, девичья влюблённость, от которой кружилась голова. Я чувствовала, как «моё» тело тянется к нему, как дрожат пальцы, желая коснуться его кожи под рубашкой.

Он шагнул ближе. Его рука легла мне на талию - уверенно, по-хозяйски. Я запрокинула голову. Сейчас он поцелует меня. Я знала это, я хотела этого больше всего на свете. Его лицо приближалось, я уже чувствовала тепло его дыхания...

Меня вышвырнуло из сна, как пробку из бутылки шампанского.

Я резко села на кровати, жадно глотая воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Первая мысль, паническая, острая: «Где я? Что с детьми?»

Рука метнулась к тумбочке в поисках мобильного телефона, чтобы посмотреть время, но пальцы наткнулись на холодный фарфор кувшина.

Стоп. Дыши ровно, ещё ровнее.

Я огляделась. Лунный свет заливал комнату, выхватывая из темноты массивный шкаф, туалетный столик с зеркалом, тяжёлые гардины. Я не в своей «двушке» в центре Москвы. Я в Лонгшир-хаусе. 1912 год. Всё в порядке. Насколько это вообще может соответствовать порядку.

Я налила стакан воды дрожащими руками и выпила залпом. Вода была тёплой и безвкусной.

Что это, чёрт возьми, было?

Я откинулась на подушки, уставившись в балдахин над кроватью. Образ мужчины из сна не исчезал, он стоял перед глазами, дразня своей реальностью. Я чувствовала фантомное прикосновение его руки на талии.

- Бред какой-то, - прошептала я в темноту. - Бабушка Агата видит эротические сны про жгучих красавцев. Дожили.

Моё сознание тут же подбросило факт: человеческий мозг не умеет генерировать лица с нуля во снах, вроде бы в них мы видим только тех, кого встречали в реальности. Хотя бы мельком.

Я перебрала в памяти всех мужчин, которых видела здесь. Но я их толком и не разглядывала. Может, это воспоминание из моей прошлой жизни? Какой-нибудь актёр из сериала? Или курьер? Кто-то из персонала фирмы?

Нет. Эмоции были слишком сильными. Слишком... личными.

Я закрыла глаза и попыталась воспроизвести ощущение. Любовь. Доверие. Нежность. Это не было похоже на мимолётное увлечение. Это было что-то глубокое.

- Это не моё, - поняла я. - Это её.

Память Мэрилин. Тело помнит то, что мозг пытается забыть или спрятать. Интересно, кто он?

Я усмехнулась, натягивая одеяло до подбородка.

- Что, Дизель, - хмыкнула я про себя. - Как будто молодильного яблочка куснула. Кавалеры снятся, гормоны играют. Вспомнила бабка, как девкой была, хех.

С этой мыслью, ироничной и немного грустной, я провалилась обратно в сон. На этот раз - без сновидений.

Утро началось раньше, чем планировалось. Я проснулась до того, как Бэтси пришла раздвигать шторы. Часы на каминной полке показывали половину седьмого. Привыкла ведь подниматься чуть свет на работу.

Я встала, умылась холодной водой из кувшина, окончательно смывая остатки ночного наваждения, и подошла к гардеробу.

Сегодняшний день требовал брони. Мне предстоял разговор с Сент-Джоном, и я должна выглядеть не как скорбящая сиротка, которую легко обвести вокруг пальца, а как хозяйка положения. Одежда - это код. Это сигнал.

Я распахнула дверцы шкафа. Пахло нежными девичьими духами - зелёным яблочком, что ли.

Платьев было много. Слишком много для одной девушки, даже аристократки. Мэрилин любила наряжаться, это очевидно.

Я начала перебирать вешалки.

Вот светло-голубое, с кучей рюшей и кружев. Слишком легкомысленное. В таком только стихи читать в беседке.

Вот бледно-розовое, муслиновое. Слишком детское. Вот тёмно-синий костюм, дорожный. Практично, но грубовато.

Моя рука замерла, наткнувшись на необычное. Платье глубокого, насыщенного зелёного цвета. Изумрудный, переходящий в бутылочное стекло. Ткань - плотный шёлк, тяжёлый и прохладный.

Я достала его. Фасон показался мне странным. Он был явно не по последней моде 1912 года. Юбка была широкой, но кринолин, который предполагался под неё, был скромным, не таким узким, как современные «хромые юбки», но и не необъятным куполом середины 19 века. Лиф был строгим, с высоким воротом-стойкой и рядом мелких пуговиц, обтянутых той же тканью. Черный бант на талии сзади.

- Платье матери, - пронеслось в голове. Откуда я это знала? Просто знала. Видимо, ещё один «привет» от Мэрилин. Она хранила его как реликвию.

Я приложила его к себе перед зеркалом. Зелёный шёлк идеально гармонировал с цветом моих глаз, делая их ярче, жёстче. Но надеть его сейчас было бы ошибкой. Это выглядело бы как маскарад, как попытка спрятаться за призраком покойной леди Лонгшир. Мне нужно было что-то современное, и «с зубами».

Я вернула зелёное платье на место с легким сожалением.

Выбор пал на костюм для визитов. Тёмно-серый, цвета грозовой тучи. Строгая юбка, слегка зауженная к низу, но позволяющая шагать широко (насколько это возможно в этом времени). Жакет с чёткими линиями плеч и чёрными лацканами. Под него - белоснежная блузка с высоким крахмальным воротником, отделанным дорогим кружевом. Идеально. Это было

похоже на наряд какой-нибудь офисной модницы из моего времени. Как это?.. А! “Мода циклична”.

Я оделась сама, не дожидаясь Бэтси.

Посмотрела в зеркало. На меня глядела строгая молодая женщина. Никакой романтики. Никаких лишних эмоций. Костюм удачно добавлял мне лет, делая внешность солиднее. Волосы я убрала в тугий, гладкий узел на затылке, закрепив шпильками так, что ни одна прядь не посмела бы выбиться.

- Это уже не Дизель, - сказала я своему отражению. - Это какая-то майская роза с вооот такими шипами.

Я вышла из комнаты, и каблуки моих туфель гулко застучали по паркету коридора, отбивая четкий ритм.

Глава 6.

Я подошла к столовой и вдруг остановилась. Желудок жалобно пискнул, требуя чего-нибудь в себя закинуть, но о еде я думать не могла. Запах поджаренных тостов и яиц вызвал неприятные ощущения. Похоже, я нервничала, хотя и чувствовала себя собранной и уверенной. И я прошла мимо, направляясь в кабинет.

Всевидящий Бэрнс, наверно, заметил это и прислал мне горничную с завтраком.

- Унесите все, кроме кофе, - сказала я, даже не взглянув на поднос. - Кофе оставьте весь кофейник. И чашку побольше принесите, пожалуйста.

Девушка поклонилась испуганно, звякнув фарфором, и выскользнула за дверь. Я осталась одна в кабинете Лонгшира. Тот важно взирал на меня с портрета - важный, крупный мужчина, из-за бороды похожий на старого капитана. Хотя старым он ещё и не был, может, чуть за пятьдесят.

А теперь массивный дубовый стол, пахнувший сигарами и воском, стал моим капитанским мостиком. Я села в кресло. Оно было жестким, неудобным - идеальным для того, чтобы держать спину прямо и не расслабляться.

Когда в дверях появился управляющий, я была готова.

Сент-Джон сегодня выглядел именно так, как положено солидному поверенному: безупречный сюртук, папка в руках и выражение почтительной скорби на лице. Кажется, он, на всякий случай, надел свой лучший костюм.

- Мисс Лонгшир, поскольку хороших новостей нет, позвольте выразить... - начал он своим тягучим, «похоронным» голосом.

Я подняла руку, останавливая этот поток. Мне не нужны были пустые слова. Мне нужны были данные, информация, алгоритм действий и четкая стратегия.

- Благодарю вас, мистер Сент-Джон. Проходите, садитесь. Обсудить предстоит многое.

Он моргнул, кивнул и послушно опустился на стул напротив.

- Я разделила нашу беседу на три блока, - произнесла я сухо, сразу перехватывая инициативу. - И предлагаю придерживаться этого плана, чтобы не тратить время на лишние эмоции. Пункт первый: тот самый «срочный вопрос», ради которого вы просили встречи. Мы обязательно решим его сегодня.

Сент-Джон положил папку на край стола, собираясь начать издали, но я продолжила, не давая ему вставить слово:

- Но прежде чем мы перейдем к частностям, давайте зафиксируем второй пункт. Лорд Лонгшир. Надежда - это прекрасно, но мне нужны точные сведения. Я хочу, чтобы сегодня же были отправлены официальные запросы во все инстанции, которые занимаются потерпевшими и составлением списков: «Уайт Стар Лайн», госпитали Нью-Йорка, страховые общества. И наймите частного детектива. Хорошего, с отменной репутацией. Я хочу знать судьбу Реджинальда Лонгшира с документальным подтверждением.

Управляющий поспешно достал блокнот и начал записывать.

- Это будет исполнено, мисс. Какая ж может быть судьба - или выжил, или...

- Мы только знаем, - перебила я его, - что лорд Лонгшир взял билет на "Титаник" и поднялся на борт. А вот что было дальше, мы можем только предполагать. С этим ясно?

- Дд-да, конечно, леди Лонгшир, - Сент-Джон ровным счётом ничего не понимал в переменах во мне, он подстраивался довольно гибко и поэтому я просто продолжала по делу: - Третий пункт - это полный финансовый аудит. Но это позже. Сейчас мне нужен краткий срез, сводка.

Я взяла Паркер в эбонитовом корпусе, пробуя его вес в руке, и посмотрела на Сент-Джона.

- Мне не нужны многостраничные отчеты с красивыми оборотами. Подготовьте мне сухую выжимку активов и пассивов. На одной странице. Что мы имеем: заводы, акции железных дорог, земельные участки - что из этого приносит живые деньги прямо сейчас, а что требует вложений.

Сент-Джон открыл рот, собираясь ответить. Но я ещё не закончила.

- И ещё: текущие платежи. Разделите их на две части. Первая - «горящие» счета: жалованье слугам, поставщики продуктов, счета за уголь и газ. То, что обеспечивает жизнедеятельность поместья и нельзя отложить ни на день. Во вторую - все, что терпит отлагательств, инвестиционные взносы и прочее. Это понятно?

- Да, мисс, - Сент-Джон выглядел ошарашенным такой деловой хваткой, в глазах плескалась паника, смешанная с растерянностью. - Я подготовлю сводку по активам к завтрашнему утру. А счета... вот, я как раз отобрал самые неотложные.

Он пододвинул ко мне несколько бланков.

- Подготовьте сегодня же к вечеру, уважаемый Сент-Джон - ещё целый день впереди. Где ставить подпись? Здесь?

- Да, мисс. Поскольку доверенность на управление имуществом в отсутствие лорда оформлена на вас - судя по всему вы это уже знаете, - он явно не удержался от этой ядовитой ремарки, - вашей подписи будет достаточно для банка.

Я вывела "М. Лонгшир" твердой рукой и подняла глаза на управляющего - теперь была его очередь излагать свой вопрос.

- Это будет исполнено незамедлительно, леди Лонгшир, - Сент-Джон сделал пометку в блокноте простым грифельным карандашом. - Что касается первого пункта... Вопрос действительно не терпит отлагательств. Речь идет о сделке, которую сэръ Лонгшир заключил буквально за день до отплытия.

Я чуть нахмурилась. Сюрпризы - это именно то, без чего я могла бы обойтись сейчас.

- О какой сделке идет речь?

- О покупке контрольного пакета акций судостроительной верфи «Грейхаунд» в Бристоле, - произнес управляющий, извлекая из папки плотный документ с гербовыми печатями.
- Сэр Реджинальд считал это вложение стратегически важным. Договор подписан, но финальный транш оплаты был отложен до его возвращения из Нью-Йорка.

Я кивнула, быстро прикидывая перспективы. Верфь - это актив. Реальный сектор, производство, госзаказы. В преддверии беспокойных времен в Европе это могло стать золотой жилой.

- Разумное вложение, - констатировала я. - Если договор подписан, обязательства нужно выполнять. В чем сложность? Продавец нервничает из-за новостей о «Титанике»?

- Именно так, - Сент-Джон промокнул лоб платком. - Мистер Торнтон требует полного закрытия сделки в течение трех дней. Он опасается, что... активы будут заморожены в связи с процедурой наследования. Он грозит аннулировать договор и удержать задаток. А он составляет треть от суммы всей сделки, понимаете...

- Пусть не волнуется. Подготовьте чек, я подпишу его на правах доверенного лица, пока статус отца не прояснится окончательно. Мы закроем сделку.

Сент-Джон не шелохнулся. Он смотрел на меня с тем же выражением вежливой скорби, но теперь в его глазах читалась паника человека, который боится сказать правду.

- Мисс Лонгшир... - он замялся, подбирая слова. - Боюсь, мы не сможем этого сделать.

- Почему? У нас проблемы с лимитом доверенности?

- Нет, мисс. У нас проблемы с ликвидностью. На текущем балансе Лонгширов нет такой суммы.

Повисла тишина. Тяжелая, вязкая, как гудрон. Я медленно отложила перо.

- Поясните, - мой голос стал тихим и холодным. - Вы хотите сказать, что на счетах пусто? И при таком финансовом положении Лонгшир подписал договор о сделке?

- Финансовая ситуация... нерадужная, мисс, - выдавил он, наконец, глядя в стол. - Сэр Реджинальд в последнее время много инвестировал в рискованные проекты. Большая часть средств вложена в оборот, часть активов заложена под развитие. Свободных денег практически нет. Если мы выплатим Торнтону сейчас, нам нечем будет платить жалование слугам и рабочим в следующем месяце. Ну а деньги на сделку он рассчитывал получить от вашего жениха, полагаю. Простите, леди Мэри.

Я молчала. То, что сообщил мне Сент-Джон, было как удар под дых. Лучше бы они с Каролиной оказались мошенниками (что, впрочем, ещё не было исключено). Но это...

- Простите, леди Мэри, - повторил Сент-Джон, и этот подобострастный, извиняющийся тон вызвал у меня желание запустить в него ручкой или чем потяжелее.

Я заставила себя сделать медленный вдох. Грудную клетку сдавило корсетом, но разум оставался холодным, работал как часы. Я думала. Значит, вот как обстоят дела. Сэр Реджинальд играл по-крупному, используя собственную дочь как разменную монету.

Замужество было не просто союзом двух фамилий, а санацией - экстренным вливанием чужого капитала в наш прохудившийся бюджет, где я выступала в роли обременительного, но необходимого приложения к активам. Спасением империи, которая снаружи выглядела монолитом, а внутри была изъедена долгами и рискованными обязательствами.

Значит, «Дизель» заглох в начале пути.

Если я откажусь от сделки сейчас, мы потеряем задаток - колоссальную сумму, которая просто испарится. Репутация Лонгширов рухнет. В деловых кругах запах крови чувствуют мгновенно: стоит одному кредитору заявить, что мы неплатежеспособны, как остальные набросятся на нас, словно стая гиен. И тогда не поможет ни статус, ни поместье. Нас пустят с молотка.

С другой стороны, если я найду деньги и закрою сделку, у меня в руках окажется верфь. Реальный актив. Инструмент, который позволит не просто выживать, а диктовать условия.

Я поднялась из-за стола. Сент-Джон тоже вскочил, едва не опрокинув стул.

- Идите, мистер Сент-Джон. Составьте мне полный реестр активов, которые можно реализовать в кратчайшие сроки без ущерба для основного производства. Антиквариат, ценные бумаги, права аренды - мне нужно всё. И подготовьте подробную справку по «Грейхаунд». Я хочу знать, за что именно мы платим такие деньги.

- Но леди Мэри... Торнтон...

- Торнтон подождет три дня, как и обещал, - я посмотрела на него так, что управляющий невольно отступил на шаг. - К вечеру, до ужина, финансовая справка должна быть у меня на столе. В сухом, техническом виде. Давайте без ваших причитаний и извинений. Ступайте.

Когда дверь за ним закрылась, я наконец позволила себе опереться руками о край стола. Пальцы мелко дрожали.

Это была классическая «вилка». Либо я нахожу способ достать деньги, либо мне придется идти под венец и продавать себя, чтобы спасти имущество и имя Лонгширов. Хотя бы ради детей. Однако, второй вариант мне категорически не нравился. На черта мне это нужно?

- Замужество? Ну уж нет, - прошептала я в пустоту кабинета. - Это не выход, а смена одного кредитора на другого, причем этот уже будет спать в твоей постели. Здесь вам не обраться. Мне определенно нужен другой план. Причём срочно.

Глава 7.

До вечера оставалось слишком много времени, чтобы просто сидеть в кабинете и перебирать одни и те же мысли. Я уже поняла: если продолжу ходить по кругу, ничего нового из этого не родится. Значит, нужно было сменить обстановку.

Тётя Шарлотта с её бесконечными вздохами, траурным шёлком и разговорами о том, как следует скорбеть, действовала на всех угнетающе. Особенно на детей. Они ещё не до конца осознали случившееся, но прекрасно чувствовали давящую, липкую тоску, которой был пропитан дом. Я не собиралась позволить ей окончательно их задавить.

- Мы едем гулять, - сказала я за обедом. Коротко и безапелляционно.

Фредерика оживилась первой. Фред поддержал её с такой радостью, будто я объявила не прогулку, а побег. Грейс лишь спокойно кивнула, как человек, который сразу понял, зачем это нужно.

Апрельский Лондон был ещё холоден. Зима неохотно отступала, и весна только пробовала силу - редкими солнечными пятнами, влажной землёй, прозрачным воздухом.

Мы поехали в парк. Дорожки там были тёмные после дождя, деревья стояли голые, но уже живые - готовые распусться нежными листиками в любой момент.

Мы выбрались в парк ближе к полудню. Он был влажным и прозрачным, словно вымытым изнутри и снаружи, как и весь город. Капли с ветвей срывались на дорожки, собирались в мелкие лужицы, где отражались серое небо, чьи-то быстрые ботинки, края зонтов. Воздух пах землёй, дымом из каминных труб и свежестью.

На мне было тёмно-синее пальто, перчатки я сняла и держала в левой руке. Из-под шляпки выбился тонкий локон у виска, я машинально заправила за ухо - он был влажным от сырости. Тело ощущалось непривычно - очень лёгким, таким молодым.

Фредерика и Фред убежали почти сразу. Они не бежали - они носились, сталкивались, хватили друг друга за рукава, смеялись громко и без оглядки, будто вокруг не существовало ни печалей, ни взрослых забот. Иногда Фред нарочно отставал, позволяя сестре почувствовать победу, а потом догонял, и они снова срывались с места, как две одинаковые ноты, взятые с разницей в долю секунды.

Я отметила это автоматически: их назвали почти одинаково. Странный выбор, как будто у родителей фантазии не хватило. Не близнецы, но связка - плотная, братская, замкнутая на себе. Между ними была какая-то особая внутренняя договорённость.

Грейс же шла рядом со мной - чуть в стороне, будто знала, что её место отдельно от этой шумной орбиты.

- Ты хотела меня о чём-то спросить? - сказала она вдруг, не глядя на меня.

Я повернула голову. Грейс, как всегда, была собранной: аккуратные косички, очки в тонкой оправе, застёгнутый воротник.

Я кивнула.

- Да. Наверное. Я... - я сделала паузу, подбирая слова. - В последние месяцы я была несколько погружена в свои мысли. Могла быть невнимательной. А ты... ты ведь всё замечаешь.

Грейс слегка наклонила голову. Жест был почти взрослым.

- Я понимаю, о чём ты говоришь, Мэри. Спрашивай. Что угодно.

Мы шли вдоль аллеи, и между нами был ровный, спокойный шаг - как будто мы не гуляли, а вели деловую прогулку, только без бумаг.

- Отец, - сказала я. - В последнее время. Он... менялся? Или мне показалось?

Грейс задумалась.

- Наверное, не показалось. Он стал нервным, - ответила она после паузы. - Не злым. Именно нервным. И шумным. Иногда вдруг вставал из-за стола, начинал говорить о будущем. О том, что всё будет хорошо.

- Хорошо - как?

Она пожала плечами.

- Помнишь, как однажды он сделал нам бумажные кораблики. Прямо за ужином. Из салфеток. С помощью ножа для масла. Смеялся, как Фред, когда ему смешинка в рот попадает. Сказал, что скоро у нас их будет много - корабликов. И всё пойдёт правильно. А еще, что ты будешь обязательно счастлива. Что он имел в виду?

Фредерика закричала что-то Фреду, и тот ответил ей таким же радостным воплем.

- Понятия не имею, милая. А Каролина? Как она себя вела? - спросила я, как бы между прочим.

Грейс чуть сжала губы.

- Она часто бывала у нас и раньше, а в последнее время ну почти что не уходила. Говорила с отцом подолгу. Иногда - с мистером Сент-Джоном. Мне казалось... - она запнулась, - что они обсуждают что-то важное. Но не знаю, что именно.

Я подумала, что разговоры разговорами, но девочке тоже нужно отвлечься, как и остальным. И предложила дойти до пруда, где радостно крякали утки.

Когда мы вернулись, дети были раскрасневшимися и довольными. У Фредерики растрепалась причёска, Фред испачкал колени. Они выглядели живыми, весёлыми - и это

было главным.

Они разбежались по своим комнатам, а я направилась в кабинет. В голове уже выстраивались схемы: что можно продать, что заложить, что нельзя трогать ни при каких обстоятельствах. Но всё это было в теории. Я ждала отчёт Сент-Джона, как ждут инструменты перед сложной операцией.

Когда в дверь постучали, я даже не подняла головы.

- Войдите.

Услышав шуршание жесткой ткани, я удивлённо подняла взгляд - и увидела их.

Сент-Джон, напряжённый, с папкой под мышкой.

И Каролина Вэйн - в траурном чёрном, с пышным турнюром платье, с идеально уложенными волосами. Держалась она уверенно.

Я медленно отложила ручку.

- Я не припоминаю, чтобы приглашала вас, мисс Вэйн, - сказала я спокойно.

Каролина улыбнулась - одними губами.

- Я пришла, потому что узнала: в доме ведутся серьёзные дела без моего ведома.

- Вашего ведома? - я слегка приподняла бровь. - Напомните, какое отношение вы имеете к делам семьи Лонгшир?

Она сделала шаг вперёд.

- Самое прямое. Возможно, вам не сообщили... сэр Реджинальд составил завещание. Он всё оставил мне.

Сент-Джон отвёл взгляд, слегка качнув головой в знак согласия.

Я встала. Медленно, не делая резких движений.

- Даже если бы такое завещание существовало, - сказала я, - оно не могло бы вступить в силу при живом человеке. А статус лорда Лонгшира на данный момент - пропал без вести. Не умер. Не признан погибшим. Юридически - жив.

Каролина издала какой-то звук губами, что-то между смешком и лошадиным фырканьем.

- Кроме того, - продолжила я, - ни один здравомыслящий человек не лишил бы детей наследника титула средств к существованию в пользу будущей супруги.

Я посмотрела прямо на неё.

- Вы, возможно, торопитесь его похоронить, мисс Вэйн. Я - нет.

Тишина повисла тяжёлая, плотная.

- Мистер Сент-Джон, - я повернулась к управляющему, - вы принесли отчёт?

- Да, леди Мэри, - глухо ответил он.

- Прекрасно. Тогда прошу вас остаться. А вы, мисс Вэйн, можете быть свободны. Все юридические вопросы мы обсудим, когда они действительно появятся. Пока что не будем торопить события.

Каролина задержалась на пороге, но ничего не сказала. Только посмотрела - внимательно и холодно. Я сделала жест рукой, показывая, что не задерживаю её.

Когда дверь закрылась, я выдохнула и молча указала Сент-Джону на кресло напротив и дождалась, пока он сядет. Папка в его руках выглядела так, будто весила больше, чем должна была.

- Итак, я не буду спрашивать почему эта особа явилась вместе с вами - мне не до этого, - сказала я, - давайте без предисловий. Что у нас есть?

Он аккуратно разложил бумаги на столе, выровнял край листов - привычка человека, который боится хаоса даже в мелочах.

- Я подготовил сводный отчёт, леди Мэри. Как вы и просили: активы, обязательства и ликвидность. В текущем состоянии.

Я взяла первый лист.

Цифры были аккуратными. Слишком аккуратными.

Я видела такие отчёты раньше - там, в другой жизни. Когда плохие новости стараются подать ровным почерком.

- Начнём с предприятий, - сказала я.

- Металлургический завод в Шеффилде работает с убытком второй год подряд, - начал он. - Основная причина - рост цен на сырьё и снижение заказов. Железнодорожные контракты, на которые рассчитывал сэр Реджинальд, продлены не были.

Я подняла взгляд.

- То есть средства вложены, а отдачи нет.

- Именно так, леди Мэри.

Я сделала пометку.

- Текстиль? Это же фабрика? - я указала на одну из строчек.

- Фактически в ноль. Иногда - с минусом. Держится за счёт кредитной линии.

- Земли?

Сент-Джон замялся.

- Часть заложена. Часть приносит доход, но он уже учтён банками как обеспечение.

Я медленно отложила лист.

- Значит, свободных денег нет.

- Почти нет, - подтвердил он. - Мы живём в кредит.

Прекрасно, прекрасно...

Я перелистнула страницу.

- Давайте дальше. Годовые расходы поместья.

- Содержание дома, штат прислуги, лошади, отопление, - начал он. - Около двенадцати тысяч фунтов в год.

Двенадцать тысяч.

В голове цифра тут же развернулась в другую шкалу - десятки миллионов. Деньги, которые уходили не на развитие, не на будущее, а на привычный уровень жизни, пустой лоск.

- Жалованье слугам?

- Четыре тысячи фунтов в год. Без учёта сезонных рабочих.
Четыре тысячи.

За эти деньги можно было бы содержать небольшое производство. Или - в моём прошлом мире - платить зарплату сотне человек. А здесь - ливреи, серебро, бесконечные приёмы.

Я перевернула лист.

- Проценты по займам.

Сент-Джон кашлянул.

- Около восьми тысяч фунтов в год.

Я подняла голову.

- Только проценты?

- Да, леди Мэри.

Восемь тысяч - за право оставаться на плаву. Деньги, которые просто сжигались, не создавая ничего. Ни станка. Ни корпуса судна. Ни рельса.

- Основной долг?

Он назвал сумму.

Мне понадобилась секунда, чтобы перевести её в привычные категории - в рабочие часы (годы!), в зарплаты, в человеческие усилия. В моём внутреннем сознании это были деньги, за которые можно было построить новый бизнес с нуля. А здесь - просто дыра.

- Это что? - я постучала ногтем по одной из строк.

- Вложения в перспективные проекты, - осторожно сказал он.

- Переведите.

- Частные предприятия. Добыча. Экспериментальные производства. Один автомобильный стартап.

Я закрыла глаза на секунду.

Экспериментальные.

То есть деньги, закопанные в идеи, которые когда-нибудь могли бы выстрелить. Или не могли. И всё это - за счёт кредита.

- Сколько? - спросила я.

Он назвал цифру.

Я мысленно пересчитала - и едва не рассмеялась. Коротко, беззвучно.

- Вы понимаете, - сказала я, - что на эти деньги можно было бы обеспечить семье спокойную жизнь лет на десять? Без приёмов. Без показного блеска. Просто - жить.

- Сэр Реджинальд... - начал он.

- Сэр Реджинальд играл, - перебила я. - Причём чужими фишками.

Я откинулась в кресле.

Картина стала окончательной.

Империя Лонгширов не была богатой.

Она казалась богатой - за счёт репутации, кредитов и одного допущения: что завтра обязательно будет лучше. Как-нибудь рассосётся.

А завтра не наступило.

- Верфь, - сказала я. - Если мы её не получим?

Сент-Джон не стал юлить.

- Тогда через полгода кредиторы начнут задавать вопросы. А ещё через год... - он замолчал.

- Начнётся Рождественская распродажа, - закончила я за него. - По кускам. С молотка. С позором.

Он кивнул.

Я закрыла папку.

Теперь цифры были ясны. А значит - с ними можно было работать.

- Спасибо, мистер Сент-Джон, - сказала я ровно. - Это всё пока что. Дальше я буду думать. Жду вас завтра утром. От вас - любые предложения.

Он поднялся, поклонился и вышел, оставив меня наедине с чудовищными цифрами.

- Ну что ж, - сказала негромко, обращаясь к портрету. - Хотела бы я сказать, что видела я дела и похуже, многоуважаемый лорд, но, увы - не могу.

Глава 8.

К тому моменту, когда за окнами окончательно стемнело, город растворился в сыром сумраке, и только редкие фонари отражались в стекле кабинета мутными желтоватыми пятнами, словно кто-то оставил следы от мокрых пальцев. Всё это время я продолжала изучать цифры отчета.

Приёмы, экипажи, благотворительные взносы, какие-то нелепые «представительские расходы» - всё это жрало деньги с аппетитом голодного зверя. И при этом - долги. Долги. Долги.

Я закрыла глаза и медленно выдохнула.

Сколько лет нормальной жизни сжигалось каждый месяц просто потому, что кому-то нравилось жить «на уровне фамилии».

Папенька, судя по цифрам, жил в кредит так же естественно, как дышал. Брал, перекрывал, снова брал. Понятие финансовой дисциплины было, похоже, ему неведомо. Лорд Реджинальд не просто рисковал. Он прямо-таки тонул - красиво, с достоинством, с оркестром на палубе.

И тянул за собой всех остальных. Он вообще о детях думал? Одну ладно, продал за калым...

В дверь постучали.

- Мисс Лонгшир, - осторожно произнёс Бэрнс, - вам телеграмма.

Я взяла жёлтую ленту бумаги. Несколько строк. Америка. Имя жениха. Сухо. Официально. Он писал, что выражает сочувствие. Что готов обсудить вопросы, связанные с будущим. Что ждёт ответа..

Я отложила телеграмму в сторону.

- Спасибо, Бэрнс. Я поужинаю позже. Хочется сегодня без тёти Шарлотты обойтись.

Он понимающе кивнул. Когда дверь снова закрылась, я вернулась к бумагам - и уже через несколько минут поняла, что читать дальше бессмысленно. Картина сложилась.

Я открыла нижний ящик стола. Потом второй. Папки, письма, визитные карточки, аккуратно рассортированные - вряд ли у лорда было на это время, наверное, Бэрнс.

Среди документов я наткнулась на коробку с фотографиями. На первой - я.

Вернее, Мэри.

Юная, чуть напряженная, с мягкой улыбкой. Рядом - мужчина. Высокий, уверенный, с открытым взглядом. Это, наверное, он, жених. Я перевернула фотографию.

«Моей Мэри. Скоро всё случится».

Следующая. Тут девушка была запечатлена одна. В белом кресле на фоне пластиковых пальм.

«Роберт, моё ожидание бесконечно».

Ещё одна. Семейная. Сделана, по всей видимости, не так уж давно.

Фотографии были сделаны не так уж давно - дети не изменились с того момента.

Если бы я не знала правду, если бы не долги и сделки - я бы, пожалуй, решила, что этот брак по любви. А теперь... теперь я вообще ничего не понимала.

Я отложила фотографии. Время подумать об этом будет потом.

Ночь опустилась на дом почти незаметно. Я зажгла настольную лампу, взяла чистую бумагу и начала писать.

Первое письмо.

Второе.

Третье.

Я не просила помощи. Я делала взаимовыгодное предложение.

Краткосрочные займы под высокий процент. Временные гарантии. Чёткие сроки. Если мне и откажут, то не потому, что предложение было слабым.

К утру на столе лежало семь запечатанных конвертов.

Когда я поднялась, ноги гудели, спина ныла, но голова была кристально ясной.

- Бэрнс, - сказала я за завтраком, отставляя чашку с чаем. - Мне нужно поехать в банк.

Он ни о чём не спросил. А через десять минут сообщил, что автомобиль ожидает у входа.

Когда доложили, что управляющий банком готов принять меня, я внутренне собралась и почувствовала что-то похожее на азарт. Такой же, как перед жесткими переговорами, где либо ты сожрёшь, либо тебя.

Управляющий - мистер Баркли - поднялся навстречу с вежливостью человека, который уже решил, чем всё закончится.

Мы обменялись формальностями. Он предложил кредит. Знал, что мне его не потянуть.

Процент - грабительский. Такой, который не спасает бизнес, а консервирует агонию, усиливая её.

- Это максимум, на что мы готовы пойти, - сказал он, сцепив пальцы. - Условия и так... мягкие, учитывая обстоятельства.

Я пролистала договор. Медленно. Нарочито внимательно.

- Вы называете это мягким? - уточнила я. - Интересная у вас шкала. По ней, полагаю, ампутация без наркоза тоже проходит как «лёгкий дискомфорт».

Он усмехнулся. Снисходительно.

- Поймите меня правильно, леди Мэри. Если бы документы подписывал сам лорд Лонгшир, условия были бы иными. Его имя... его опыт...

Он сделал паузу.

- Но вы ведёте дела лично. Я не склонен так рисковать.

Я закрыла папку.

Встала.

Обошла стол - медленно, без резких движений, пока между нами не осталось ничего, кроме воздуха и его уверенности в собственной правоте.

- Вы путаете риск с привычкой, мистер Бэрнс, - сказала я спокойно. - Лорд Лонгшир был человеком кредита. Я - человеком расчёта. И не собираюсь переплачивать только потому что я - женщина.

Он хотел возразить, но я продолжила, не повышая голоса:

- Лорд Лонгшир брал деньги, чтобы отложить проблему. Я беру, чтобы её закрыть.

Разница принципиальная.

Я наклонилась чуть ближе.

- Знаете, как выглядят плохие заёмщики? Они просят отсрочку.

Хорошие - предлагают взаимовыгодные инструменты.

Я постучала пальцем по строке с процентами.

- Вы предлагаете мне удавку и называете это поддержкой. А я предлагаю вам работающий актив, залог в виде автомобиля или любой недвижимости и жёсткий график выплат. Безо всяких «как только станет легче». Легче не станет. Станет управляемо.

Он молчал. Я видела, как у него в голове щёлкают счёты. Мысленно он уже торговался.

- Вы всё ещё боитесь, что я женщина? - спросила я почти доброжелательно. - Или что я не умею тонуть красиво?

Пауза.

- Лорд Лонгшир пошёл ко дну, - добавила я тихо. - Вместе с привычкой занимать под честное слово. Я не собираюсь повторять его маршрут.

Я вернулась на место и снова открыла папку.

- Пятнадцать процентов, - сказала я. - И возможность через год сказать, что вы инвестировали не в фамилию, а в результат. Или мы расходимся.

Конечно, я блефовала, делая хорошую мину при плохой игре. Никуда бы я не ушла. И если бы не убедил его - согласилась бы на его грабёж.

Он долго смотрел на меня. Потом медленно сел.

- Может быть и зря, что отец не привлёк вас к управлению финансами раньше. Вы... необычайно грамотны и прямолинейны, леди Мэри.

Я позволила себе тень улыбки.

- Это экономит время. А время, как вы знаете, тоже имеет финансовый вес.

Когда я вышла из банка, воздух показался неожиданно тёплым. Руки дрожали - не от страха, от выброса адреналина. Я выиграла не войну. Но первое сражение - точно.

Впереди были письма партнёрам отца, ночи над цифрами, тётя Шарлотта с её всхлипами и, вероятно, ещё не один удар исподтишка.

Но теперь у меня было главное.

Не деньги.

Просто немножечко времени. Теперь у меня появился шанс спасти этот почти что затонувший корабль.

Яна секунду задержалась на ступенях. Камень под ногами были влажными - весна в Лондоне ещё только делала вид, что собирается вступить в свои права. Я машинально натянула перчатку плотнее и позволила себе одну короткую мысль:

Ну что ж, первые шаги сделаны. Уже неплохо.

Шофёр распахнул дверцу автомобиля.

- Домой, леди Мэри?

Я уже собиралась кивнуть, но внезапно передумала.

- Нет. Скажите, вы знаете, где находится фабрика Лонгширов?

Он удивлённо моргнул.

- Знаю, миледи. Хотя... - он замялся, - признаться, ни разу там не бывал.

Я усмехнулась про себя.

Значит, не бывал не только он.

- Тогда поедem туда, - сказала я. - Сейчас.

Автомобиль тронулся. Город начал медленно меняться за окнами: респектабельные фасады уступили место складам, кирпичным коробкам, узким улочкам с запахом угля и машинного масла.

Фабрика встретила нас серо и буднично. Никакой разлухи, но и никакого порядка, которым можно было бы гордиться. Меня, разумеется, не ждали. Управляющий был удивлён. Он оказался молодым, аккуратно одетым мужчиной, слишком собранным для места, где, судя по всему, давно привыкли к отсутствию интереса сверху.

Он провёл меня по цехам. Рабочие останавливались, снимали кепки, смотрели с осторожным любопытством. Я отмечала всё: простаивающее оборудование, неравномерную загрузку, запасы сырья, которые явно лежали дольше положенного.

- Сколько станков сейчас работают? - спросила я.

- Меньше половины, леди Лонгшир, - ответил он после паузы. - Остальные требуют ремонта. Ничего критичного, но... - он развёл руками.

- Ремонт считали?

- Да. Я подавал расчёты.

Я кивнула. Хозяин явно опускал предложения управляющего в мусорную корзину.

В кабинете управляющего было чисто. Минимум мебели, стопки бумаг, аккуратно разложенные папки с завязками. Я взяла одну из них, пролистала - отчёты за последний месяц, ведомости, всё довольно внятно.

Я уже собиралась закрыть папку, когда он, помедлив, словно решаясь, сказал:

- Леди Мэри... есть один документ. Копия предложения по производству, который я подавал лорду Лонгширу прошлой осенью.

Он протянул мне несколько листов. Я начала читать - и замедлилась.

- Вы предлагали расширить производство? - уточнила я.

- Да, миледи.

- Ввести стеариновые и парафиновые свечи? - я подняла на него взгляд. - Но... - я снова посмотрела в бумаги. - Их же производят уже не первое десятилетие. Почему фабрика до сих пор выпускает только восковые?

Он усмехнулся и развёл руками

- Если честно, я и сам этого не понимаю. Это сложилось задолго до меня. Я пришёл сюда меньше года назад. Я подавал предложения, расчёты, отчёты. Все они оставались без ответа.

Я перечитала цифры внимательнее. Ничего революционного. Частичное переоснащение. Формы. Перенастройка котлов. Расходы - ощутимые, но не катастрофические. Увеличившийся доход явно перекрыл бы вложения меньше чем за полгода.

- Вы точно показывали это лорду Лонгширу?

- Да. И не один раз.

Я закрыла папку и положила на неё ладонь.

Вот теперь всё встало на свои места. Наверное такая картина была на каждом из предприятий Лонгширов. Не магнат, а мыльный пузырь какой-то. Каким образом он ещё сохранил имя, мне было непонятно.

- Значит, так, - сказала я, поднимаясь. - С этого дня вы готовите для меня ежедневные отчёты. Выпуск, простой, отказы по партиям. Мне нужны сухие цифры. И вопрос по вашему предложению я думаю, мы в скором времени решим.

Он кивнул сразу, без вопросов.

- И подготовьте обновлённый расчёт по стеариновым свечам. Сроки, объёмы, первый месяц. Я хочу видеть, как быстро фабрика начнёт окупать себя.

Когда я выходила, воздух показался мне чуть теплее, чем час назад.

Фабрика не была мёртвой. Она просто давно работала без хозяина.

А это - проблема решаемая. Потому что теперь хозяйкой была я.

Глава 9.

Я как раз разложила бумаги ровными стопками, когда в кабинете стало душно - не физически, а по ощущению. Обернувшись, я увидела дворецкого.

Бернс стоял у двери, выпрямившись чуть строже, чем обычно. Он не спешил говорить - и именно это меня насторожило. Я ещё слишком мало времени провела в этом доме, чтобы узнавать людей, но логику ситуации никто не отменял: если дворецкий медлит, значит, новость неприятная.

Я не подняла головы и продолжила смотреть на цифры.

- Леди Мэри, - сказал он наконец.

Я отложила Parker. Холодный, тяжёлый, слишком современный для этого кабинета. Я отметила это машинально - металл лёг в подставку с глухим звуком.

- Если это снова про ужин, - сказала я спокойно, - передайте повару, что...

- Сегодня приём, - перебил он мягко, но без извинений. - В доме Уэстморлендов. Вас ожидают.

Я подняла голову.

- Приём? - переспросила я. - Мой отец числится пропавшим без вести после крушения «Титаника». В подобной ситуации люди не ездят в гости.

Бернс выдержал паузу. Не драматическую - деловую.

- Позвольте сказать откровенно, леди Мэри. Если вы сегодня не появитесь, некоторые господа сочтут это признаком... отсутствия контроля.

Вот теперь всё встало на свои места.

- Контроля над чем? - уточнила я.

- Над положением семьи, - ответил он. - И над делами лорда Лонгшира.

Я закрыла глаза на секунду. Этого хватило, чтобы представить пустые строки балансов, нервных партнёров и слухи, которые всегда бегут быстрее официальных писем.

- Приглашение... с детьми? - спросила я.

- Да, леди Мэри. И... - он чуть замялся, - с мисс Каролиной Вэйн.

Конечно.

- Хорошо, - сказала я. - Мы едем.

Дом Уэстморлендов был залит светом так, будто хозяева пытались выжечь из него саму мысль о катастрофе. В окнах дрожали огни, на крыльце стояли лакеи в безупречных ливреях, а в воздухе смешались запахи полированного дерева, каминного дыма и дорогих духов.

Внутри было тепло. Слишком тепло. Камин в гостиной трещал, выбрасывая искры, которые отражались в зеркалах и украшениях гостей. Женщины были одеты строго - тёмные платья, закрытые плечи, но ткани выдавали совсем не скорбь: бархат, плотный шёлк, бисер, чёрные камни в оправе. Мужчины - аккуратные, сдержанные, с тем выражением лиц, которое появляется, когда сочувствие идёт рука об руку с расчётом.

Фредерика держала меня за руку, её перчатка была тёплой и чуть влажной. Фред шагал с другой стороны, выпрямив спину так старательно, что это выглядело почти трогательно. Грейс держалась чуть позади, внимательно оглядывая зал - словно запоминала всё сразу.

Когда нас объявили, разговоры стихли ровно настолько, чтобы каждый мог рассмотреть нас как следует.

Я чувствовала взгляды кожей.

Каролина появилась почти сразу. Её платье было безупречным: глубокий чёрный, подчёркнутая талия, тонкая вуаль, спадающая на плечи. На шее - нитка жемчуга. Скорбь в таком исполнении выглядела продуманной до мелочей.

- Мэри, дорогая, - произнесла она, склоняясь ко мне. - Вы так достойно держитесь.

- Благодарю, мисс Вэйн, - ответила я.

Она перевела взгляд на детей и вздохнула так, чтобы это услышали окружающие.

- Бедные малыши... В такие времена особенно важно, чтобы делами семьи занимались люди опытные.

Я повернулась к ней, выстраивая между нами чёткую дистанцию.

- Именно поэтому все решения по имуществу лорда Лонгшира сейчас принимаются мной, - сказала я спокойно. - В рамках действующего закона.

Где-то за спиной кто-то неловко кашлянул.

Каролина моргнула.

- Разумеется, - сказала она. - Просто я слышала, что завещание...

- ...вступает в силу только после официального подтверждения смерти, - закончила я. -

А пока этого не произошло, лорд Лонгшир считается живым. Как и его обязательства.

Я сделала паузу.

- И его дети, - добавила я, - не могут быть исключены из этих обязательств.

Каролина отступила на полшага. Улыбка осталась, но глаза стали холоднее.

- Не стоит обсуждать подобные вещи в гостиной, - мягко сказала я. - Это может быть неверно истолковано.

Она кивнула.

- Вы правы, Мэри.

Когда мы уходили, ко мне подошёл пожилой господин с сухими руками человека, привыкшего держать в них документы.

- Леди Мэри, - сказал он негромко. - Ваш отец был человеком рискованным.

- Я знаю, - ответила я. - Я разбираю последствия.

К нам подошли супруги - мужчина с аккуратно подстриженной бородой и дама в тёмно-лиловом платье, слишком живом для траура. Она рассматривала меня с откровенным, почти игривым любопытством, будто я была новой безделицей на каминной полке.

- Леди Мэри, - произнесла она с участливой улыбкой. - Мы так рады видеть вас здесь. Честно говоря... - она понизила голос, но не настолько, чтобы это осталось между нами, - мы переживали, что вы предпочтёте уединение.

- Благодарю за заботу, - ответила я ровно.

Муж кивнул, сложив руки за спиной.

- Страшные события, - сказал он с тем видом, с каким говорят о погоде. - В такие времена, должно быть, многие планы приходится пересматривать.

Дама наклонила голову и улыбнулась шире.

- Например... - она сделала паузу, - планы на брак. Наверное, теперь вы отложите заключение помолвки? Мы просто... - она чуть пожала плечами, - беспокоились.

Беспокоились. Разумеется.

Я позволила себе секунду тишины. Ровно одну - чтобы они успели почувствовать неловкость.

- В нашей семье, - сказала я спокойно, - не принято принимать решения на основании слухов.

Я слегка улыбнулась - без тепла, но и без резкости.

- А пока судьба лорда Лонгшира не прояснится окончательно, все прочие вопросы остаются... вторичными.

Мужчина кивнул с заметным облегчением, словно услышал именно тот ответ, который ожидал. Дама же чуть прищурилась - не разочарованно, скорее разочарованно недостаточно.

- Разумеется, - сказала она. - Мы просто подумали...

- Я понимаю, - ответила я. - Здесь многие думают.

Они обменялись взглядами и, вежливо попрощавшись, отошли.

Я заметила, как несколько человек поблизости сделали вид, что вовсе не прислушивались.

И как внимательно они начали прислушиваться теперь.

Я едва успела сделать несколько шагов, как меня аккуратно, но настойчиво оттеснили к стене - туда, где свет от камина уже не доставал, а разговоры становились тише и плотнее.

- Мэри, - сказала Каролина вполголоса, но с тем нажимом, который не оставляет иллюзий.
- Что ты сейчас такое говоришь?

Я повернулась к ней.

- Простите?

- Я слышала, - продолжила она, не понижая тона ещё больше, - разговор о браке. О том, что он может быть... отложен. Не знаю, что ты себе думаешь, но такие вещи не обсуждаются на приёмах. И уж точно не в таком ключе.

Её лицо было слишком близко. Я видела мелкие морщинки у глаз, тщательно скрытые пудрой, и блеск раздражения, который она даже не пыталась приглушить.

- Этот брак, - сказала она жёстче, - должен быть заключён. Так было решено.

Вот мы и дошли до сути, подумала я.

Я развернулась к ней полностью и сделала шаг вперёд, так что теперь уже она оказалась прижатой к стене - не телом, а пространством. Лицо к лицу. Слишком близко для приличий и слишком ясно для двусмысленностей.

- А вот вам, мисс Вэнс, - произнесла я тихо, отчётливо, - я ничего не должна.

Она моргнула.

- Простите?

- Ни объяснений. Ни отчётов. Ни согласия, - продолжила я. - Если вы считаете себя вправе обсуждать мою жизнь, то дождитесь моего отца. Когда - и если - он вернётся, вы сможете выяснить с ним, кто кому и что должен.

Я сделала паузу и добавила:

- Со мной - нет.

Рядом бесшумно появилась Грета. Я даже не заметила, как именно - просто в какой-то момент её рука легла поверх моей, тёплая, спокойная. Она встала чуть сбоку, но так, что закрыла меня плечом, и посмотрела на Каролину снизу вверх - без вызова, без улыбки. Просто смотрела.

Каролина вскинула подбородок.

- Я вам почти что мать, Мэри.

Я усмехнулась - коротко, без веселья.

- Почти, - согласилась я. - Но, как говорится, почти - это когда не считается.

Грета слегка сжала мои пальцы.

Каролина открыла рот, словно собираясь сказать что-то ещё, но потом заметила взгляды - слишком много внимательных, слишком близко стоящих людей. Она резко выпрямилась, поправила складку на платье и холодно кивнула.

- Вы ещё пожалеете о таком тоне.

- Возможно, - ответила я. - Но не сегодня.

Она ушла, не оглядываясь.

Я выдохнула только тогда, когда поняла, что держу плечи слишком высоко. Грета не отпустила мою руку сразу - и за это я была ей бесконечно благодарна.

По дороге домой дети были румяные, уставшие и удивительно спокойные. Машина мягко покачивалась, за окнами проплывали огни.

Я смотрела на их отражения в стекле и думала о том, что сегодняшний вечер был не развлечением.

Это был выход наследницы лорда Лонгшира. И я его выдержала.

Глава 10

Я проснулась ещё до начала утра - не от шума, не от света, а от того особого внутреннего напряжения, когда тело уже бодрствует, а разум всё ещё цепляется за сон.

В комнате стояла тишина, густая, почти осязаемая. За шторами угадывался холодный серый свет - Лондон не спешил радовать ясным утром.

Я уже собиралась снова закрыть глаза, когда подумала о кофе. Очень крепком. Ароматном.

Помечтав так, я услышала стук в дверь.

- Леди Мэри... - голос горничной был осторожным, как шаг по тонкому льду. - Простите, что беспокою. Мистер Бэрнс просил разбудить вас. Курьер принёс письмо. Очень срочное.

Сердце дёрнулось. Это известие было о лорде Реджинальде. В такое время... Придётся будить детей и сообщать. Я не стала ничего спрашивать. Просто села, нащупала халат и вышла в коридор, ещё не до конца проснувшись, но уже собранная внутри.

Пол был холодным, камень отдавал в ступни неприятной бодрящей дрожью. Бэрнс стоял у двери, как всегда безупречно прямой, с подносом в руках. На подносе - плотный конверт, аккуратно запечатанный.

- Я позволил себе разбудить вас, леди Мэри, - сказал он, чуть наклонив голову. - Понимаю, что это не принято, но счёл необходимым. Письмо доставили с пометкой «немедленно».

Я взяла конверт.

- Спасибо, Бэрнс. Я сейчас приду в кабинет.

В кабинете было прохладно. Я не зажгла свет - просто отдёрнула штору, впуская мутный утренний свет. Села за стол, положила письмо перед собой и несколько секунд смотрела на него, не решаясь вскрыть. Глупо, конечно. Бумага не кусается. Но внутри всё сжалось так, словно в этом конверте лежала не весть, а приговор.

Письмо оказалось из банка. Короткое, вежливое, выверенное до запятой. Меня ожидали для окончательного оформления документов. Всё. Ни слова лишнего.

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Это было не то, чего я боялась. Просто очередной шаг - необходимый, холодный, без эмоций. Очередной кредит, только теперь я несла за него ответственность. И за детей, и за тётю Шарлотту, и за Мэри.

- Кофе, - сказала я, выйдя обратно в коридор. - Только кофе. Завтрак не нужен. И пусть автомобиль будет готов через двадцать минут.

Собралась я быстро. Платье выбрала строгое, тёмное, без кружев и вышивок. Ткань была плотной, тяжёлой, приятно ложилась на плечи. Я нервно перебирала перчатки и остановилась на самых простых. Украшения оставила в шкапулке - сегодня они были бы неуместны.

Перед зеркалом задержалась дольше, чем собиралась. Лицо выглядело усталым, но взгляд был ясным. Я поправила воротник, застегнула пуговицы, надела шляпу. Локон у виска выбился и упрямо не хотел возвращаться на место. Я махнула рукой - пусть будет так.

Кофе выпила стоя у окна. Он был обжигающе горячим, горло свело от крепости, но это помогло окончательно проснуться. За окнами город начинал движение - кареты, редкие автомобили, прохожие, укутанные в пальто.

В банке всё прошло именно так, как я и ожидала. Управляющий был вежлив, сдержан, говорил ровным голосом. Мы почти не обменивались любезностями.

Я читала каждый пункт, задавала вопросы, делала пометки. Он отвечал спокойно, без раздражения. Когда я подписала последний документ, внутри не было ни облегчения, ни радости - только сухое понимание: сделка состоится.

Дом встретил меня тишиной. Я велела позвать детей и прошла в малую гостиную. Пока ждала, стояла у окна, машинально следя за тем, как ветер треплет ветви в саду.

Грейс вошла первой. Она держалась прямо, серьёзно, как маленькая взрослая. Фредерика влетела следом, сразу устроилась на диване, поджав ноги. Фред пришёл последним, нёс в руках деревянную игрушку.

- Мне нужно с вами поговорить, - сказала я и села напротив. - Я уезжаю на несколько дней.

Фредерика нахмурилась.

- Надолго? Плохие новости?

- Нет. Но мне нужно уехать именно сейчас.

- Из-за папы? - тихо спросила Грейс.

Я кивнула.

- И да и нет. Я еду по делам. Чтобы всё было... правильно. Чтобы нам не пришлось потом расхлёбывать чужие ошибки.

Фред молчал, крепко сжимая игрушку.

- Только не скучайте без меня - сказала я, чувствуя, как привязалась к этим детям.

Фредерика дёрнула плечами.

- Ну ладно.

- Я буду телеграфировать, - добавила я. - Хорошо?

Грейс кивнула.

В этот момент в комнату вошла тётя Шарлотта. Глаза её были красными, платок смят в руках.

- Мэри, ты не можешь вот так уехать, - начала она. - Сейчас... когда всё так...

Я подошла к ней и взяла за плечи.

- Тётя Шарлотта, - сказала я тихо, но твёрдо. - Мне нужно, чтобы вы взяли себя в руки. Вы пугаете детей. Я прошу вас - будьте взрослой. Хотя бы до моего возвращения.

Она всхлипнула, но кивнула.

Собирая вещи, я действовала методично. Документы, смена одежды, тёплая накидка. Перед самым выходом Бэрнс снова появился в холле с телеграммой.

Я развернула его уже на ходу. "Лорд Лонгшир признан без вести пропавшим."

Я сложила бумагу и убрала в сумку. Это ничего не меняло. Пока.

Автомобиль ждал у подъезда. Ветер попытался сорвать с меня шляпу, я придержала её рукой и села внутрь.

- Куда едем, леди Мэри? - спросил шофёр.

Я протянула ему бумажку с адресом верфи.

- В путь, - сказала я. - У нас мало времени.

Автомобиль тронулся плавно, почти бесшумно. Лондон медленно отступал, словно держал меня в своих границах.

Каменные дома редели, улицы становились шире. Я приоткрыла окно, и в салон ворвался запах влажной земли, угля и реки - резкий, но живой.

Шофёр вёл машину уверенно, не суетясь. Было видно, что дорога ему знакома, пусть и не до последнего поворота.

- Далековато ехать, леди Мэри, - заметил он спустя какое-то время, не оборачиваясь. - Обычно туда нечасто навещаются дамы.

- Знаю, - ответила я. - Но у нас с вами тяжёлый случай.

Он помолчал, потом, будто решившись, осторожно добавил:

- Люди спрашивают... ну... - он замялся, подбирая слова. - Есть ли новости о хозяине.

Я смотрела вперёд, на дорогу, где серое небо отражалось в лужах, как в тусклых зеркалах.

- Пока нет, - сказала я ровно. - И давайте на этом остановимся.

Он понял. Больше вопросов не задавал.

Дорога тянулась вдоль воды. Река была тяжёлая, тёмная, медленно несущая свои свинцовые волны. По берегам стояли склады, пакгаузы, редкие краны, похожие на застывших металлических птиц. Чем дальше мы ехали, тем явственнее чувствовался запах машинного масла, сырого дерева и железа.

Когда верфь появилась из-за поворота, я невольно выпрямилась.

Это было не одно здание - это был целый организм. Пространство, живущее по своим законам. Длинные строения с высокими окнами, часть из которых была мутной от копоти, часть - заколоченной. Рельсы, уходящие прямо к воде. Краны, мачты, леса, металлические конструкции, похожие на ребра огромного скелета.

У воды стояли корпуса судов - одни почти готовые, другие только начинавшие обретать форму. Их чёрные борта были испачканы ржавыми потёками, как следами старых ран. Где-то стучали молотки, но звук был редким, неуверенным - не тот ритм, который должен быть у работающего предприятия.

Автомобиль остановился у административного здания. Оно выглядело уставшим: облупившаяся краска, потемневшие ступени, тяжёлая дверь.

Я вышла. Пахло солью, металлом и холодной водой. Ветер тут был резким, он сразу забрался под воротник, пробежал по спине, словно проверяя меня на прочность.

Навстречу уже шёл человек. Молодой, подтянутый, в пальто, которое было слишком аккуратным для этого места. Он явно старался выглядеть собранным, но в движениях чувствовалась напряжённость.

- Леди... - он остановился, чуть поклонился. - Я управляющий, мистер Блант. Представьте, будьте любезны. Ведь вход посторонним сюда закрыт.

Я достала документы. Бумага была плотной, холодной на ощупь.

- Вот, - сказала я, протягивая их. - Ознакомьтесь.

Он пробежал глазами текст, и я увидела, как меняется его лицо. Сначала недоверие. Потом удивление. Потом растерянность.

Я не дала ему времени собраться.

- Здравствуйте, - сказала я, выпрямившись и подняв подбородок. - С этого момента я отвечаю за это место. Давайте начнём с главного. Покажите мне, где у вас простаивает производство и где вы теряете время.

Он скрипнул зубами, ведь он видел перед собой слишком юную, на его взгляд неопытную девушку, которая пыталась отдавать ему приказания.

Он ведь не знал, что я была Аглаей Машинистовой - «Дизелем», которая раскачает эту машину и заставит её работать.

Ветер дёрнул край моего пальто, где-то за спиной скрипнула лебёдка, и верфь словно прислушалась.

Работы у нас было много.

Глава 11

Кабинет, в который меня провели на верфи, был холодным даже после жаркого дня. Каменные стены тянули сырость от воды, окно выходило прямо на плавучие доки, и из-за этого казалось, что весь воздух здесь пропитан металлом, водорослями и машинным маслом.

Я медленно прошлась вдоль стола, провела пальцами по его краю - шершавому, давно не знавшему полировки, в общем-то зная с чего начать. Просто взяла короткую паузу - как воздуха набрала, перед прыжком в тёмную ледяную воду.

Управляющий стоял напротив, не садясь. Высокий, сухощавый, с сеткой морщин у глаз, не смотря на молодость. Его взгляд скользил по мне с плохо скрываемым сомнением.

- Итак, леди Лонгшир, - начал он, подчёркнуто вежливо. - Прежде чем мы приступим, я обязан предупредить: дела у верфи... сложные.

- Я не питаю иллюзий, - спокойно ответила я. - Но давайте сразу перейдём к цифрам - они скажут сами за себя, без слов.

Он скрипнул зубами, ведь он видел перед собой слишком юную, на его взгляд неопытную девушку, которая пыталась отдавать ему приказания и казаться умнее него (мужчины!). Это было почти осязаемо - его раздражение повисло в воздухе, как пар над водой.

- Конечно, мэм. Все цифры я вам предоставлю, отчёты у меня всегда наготове. Факты таковы, - сказал он, доставая несколько папок, - что производство замедлено, часть заказов заморожена, рабочие недовольны, а оборудование требует вложений.

- Отлично, - кивнула я. - Значит, начнём с главного.

Я протянула руку за документами. Он отдал их с паузой, будто ещё не до конца верил, что я действительно здесь по делу, а не играю в кукольный домик с корабликами.

- Мистер Блант, вы видели подтверждение сделки. Я - владелица верфи и дела буду вести сама. Давайте не будем больше на этом задерживаться, думать об этом и удивляться. Сейчас я быстро просмотрю цифры и вернусь к ним позже, чтобы изучить детальнее. Дайте мне десять минут и проведите меня по территории.

Он явно ожидал другого. Вопросов, сомнений, возможно, попытки переложить ответственность. Однако, я открыла первую папку и пробежалась глазами по сухим строчкам отчётов.

Через озвученные десять минут я поднялась, накинула плащ и направилась к двери, не оглядываясь. После короткой заминки он пошёл следом.

Мы вышли на открытую площадку, и меня сразу оглушил шум. Молоты глухо били по заклёпкам, где-то вдалеке гудел подъёмный механизм. Запахи были резкими: смола, уголь, мокрое дерево. Рабочие замирали, заметив нас, кто-то снимал кепку, кто-то просто смотрел исподлобья.

- Сколько человек сейчас в смене? - спросила я.

- Около ста двадцати, - ответил управляющий. - Раньше было почти вдвое больше.

- Почему сократили?

- Не было заказов.

Я остановилась у стапеля, где темнел недостроенный корпус судна. Провела взглядом по кривой линии борта, заметила неровные заклёпки - здесь не нужно было быть специалистом.

- А это?

- Контракт приостановлен, - буркнул он. - Заказчик отказался от дальнейшего финансирования.

- Или у него был явный повод отказаться? - тихо спросила я.

Он резко повернулся.

- Вы на что намекаете, леди Лонгшир?

- Пока ни на что, - ответила я так же спокойно. - Я просто задаю вопросы.

Мы прошли дальше. Я видела простаивающие краны, заваленные ящики, неразобранные материалы. Всё это кричало о плохой организации, но пока не о безнадёжности.

В конторе я попросила собрать мастеров. Не всех - только ключевых. Их было пятеро. Мужчины разного возраста, с загрубевшими руками, в рабочей одежде. Они смотрели на меня настороженно, кто-то с откровенным недоверием.

- Я не буду отнимать у вас много времени, - сказала я. - Верфь продолжит работу. Сокращений не будет. Но мне нужна ваша помощь. Вы расскажете мне обо всех проблемах, которые на ваш взгляд требуют немедленного решения. Затем перейдём ко второстепенным.

Управляющий кашлянул.

- Леди Мэри, вы недооцениваете масштаб проблем.

Я повернулась к нему.

- Нет. Это вы недооцениваете моих способностей.

В комнате повисла тишина. Я взяла со стола один из отчётов, пролистала.

- Здесь указано, что закупка древесины была увеличена, - сказала я. - При этом объёмы производства снизились. Объясните.

Он замялся.

- Были... перебои с поставками.

- Странно, - я подняла взгляд. - Потому что поставщик тот же, что и три года назад, и перебоев у него не было.

Мастера переглянулись. Кто-то едва заметно усмехнулся.

- Это только один из вопросов. А у меня их уже две дюжины, и это я только по краешку прошлась, - сказала я. - Сейчас уже поздно. Завтра продолжим с самого утра. Я приеду к началу работы.

Когда мы вышли, управляющий шёл рядом, напряжённый, сжатый.

Мастера разошлись, переговариваясь настороженно, споря о чём-то.

Я подошла к окну. Внизу, у воды, горели редкие фонари, отражаясь в тёмной поверхности реки. Верфь жила - тяжело, неровно, но жила.

В дверь осторожно постучали.

- Войдите.

Это был один из мастеров, тот самый, что задавал вопрос про деньги.

- Леди Лонгшир... - он замялся. - Я подумал, вам стоит знать. Здесь не всё так просто. Некоторые решения... принимались не здесь на верфи.

- Я догадываюсь, - ответила я. - Завтра поговорим подробнее.

Он кивнул и ушёл.

Я осталась одна. Села за стол, разложила бумаги. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль о Реджинальде Лонгшире - без вести пропавшем, официально ещё живом. О детях, которые ждали отца, а теперь и меня домой.

Я закрыла папку и выпрямилась.

Мистер Блант сидел напротив, сосредоточенно просматривая папки, делая какие-то пометки, а потом перекладывал их мне на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.